

Конкурс фантастики
КВАЗАР

ИЗБРАННЫЕ

Фантастика о дружбе

лучшие рассказы конкурса
«Мальчишки»

Коллектив авторов
Избранные.
Фантастика о дружбе
Серия «Конкурс Квazar»

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25014902
ISBN 9785448548925*

Аннотация

Истории о мальчишках и дружбе, любви и верности, о доброте, которая всегда побеждает зло, о ностальгии по волшебству и детству, о приключениях, всегда хорошо заканчивающихся. Рейд за наивкуснейшим, растущем на лунной ферме загадочного мормона; временные ямы, которым неподвластна любовь; выбор призвания на потерявшемся межзвёздном лайнере; удивительные приключения в других мирах; спасение капитана пришельцев; и многое другое. Хорошая фантастика с нерушимой верой в справедливость и честность.

Содержание

Меня зовут Июль	7
Сор, прах, старый сюртук и тихое бип-бип	40
Практика относительности	67
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Избранные Фантастика о дружбе

Иллюстрации София Морт

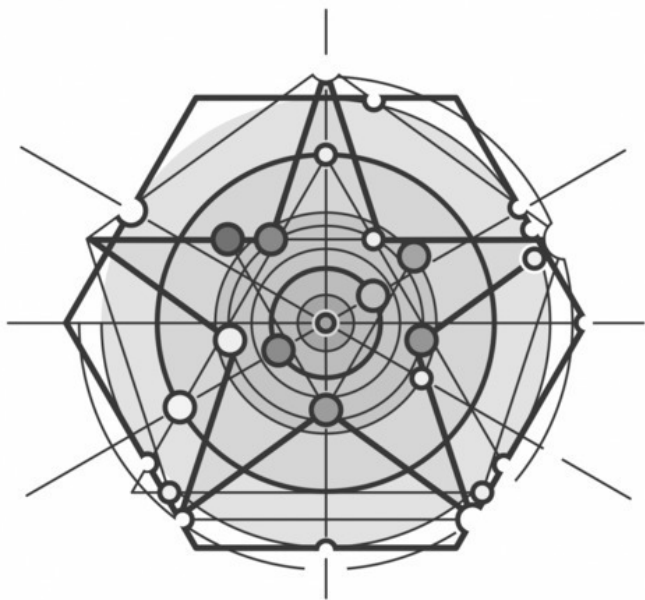
Дизайнер обложки Алексей Жарков

Редактор Алексей Жарков

© Алексей Жарков, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4485-4892-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

КВАЗАР

конкурс фантастики

Меня зовут Июль

Евгений Долматович

Потом я услышал сверчков, целые поля и луга сверчков, – стрекот, что доносился с задних дворов и пустых лужаек детства, нескончаемое стрекотание умирающего лета. А сейчас только середина лета, правда же?

Стивен Миллхаузер

– Будем! – Серега громко выдохнул и осушил стопку.

Мне стало как-то противно. Прикусив от досады губу, я посмотрел на Серегу, затем перевел взгляд на лето, искристым золотом плескающееся за мутными оконными стеклами. Ведь вот же оно – лето! Необычное, залитое солнечным светом лето, полное неугомонных птиц, вольготно развалившихся в тени кошек, обычно ворчливых, а ныне скрывающих робкие улыбки старух и расшалившейся ребятни. Лето, наполненное утопающим в душистой листве ветром и дурманящими ароматами детства, полузабытыми грезами и похороненными под тяжестью взрослой жизни воспоминаниями... Во дворе кто-то радостно смеялся, и совсем не хотелось сидеть в городе в такой день. Нет, не хотелось! Мир требовал, чтобы мы повернулись к нему, прочувствовали его, насладились. А мы...

– Ты это, чего не пьешь-то?

Поставив стопку на стол, я демонстративно отодвинул ее от себя и вновь посмотрел на лучшего друга детства. некогда худощавый черноволосый мальчуган с торчащими ушами и огоньком непокорности в больших темных глазах ныне превратился в лоснящегося от пота обрюзгшего лежебоку, чьими характерными особенностями являлись только блестящая лысина да мутный взгляд, в глубинах которого плавала такая бессмысленность.

– Не хочу.

– Зря, продукт-то хороший.

– Да плевать мне на продукт! – воскликнул я. – Серега, я ведь в гости к тебе пришел, а не к продукту.

Серега насупился. Озадаченно почесав мясистый затылок, он угрюмо устался на свои колени, спрятанные в засаленных брюках.

– Хм... ну так давай выпьем, что ли, – после непродолжительной паузы предпринял он очередную попытку. – За встречу! Давно ж не виделись.

– Да нет, не буду.

– А чего хочешь тогда?

Я вздохнул. И вот как объяснить этому незадачливому мужчине, этому спивающемуся обывателю, что нынешним утром во мне ни с того ни с сего пробудился ребенок, сорванец, которому безумно захотелось всех красок детства, и, конечно же, не обнаружив желаемого, этот ребенок отправил-

ся по местам былой славы. Он пришел в свой старый двор и увидел на его месте новенькую автостоянку. Он спустился по насыпи к берегу, где когда-то проводил многие часы, и чуть не утонул в гряде мусора. Он решил навестить лучшего друга и товарища прошлых лет, а обнаружил... вот это?

– Ответь, ты помнишь что-нибудь про Июль?

Сергея протестующе скрестил на груди руки.

– Вот еще! Тебе все покоя не дает та история? Говорю же, он был просто чокнутым, этот твой Июль. Типичный такой псих!

– Но что-то же ты помнишь? Что?! Сергей, расскажи. Ведь я практически уже все забыл, столько воды утекло. Нам тогда лет-то было...

Сергея отвернулся к окну, грустно вздохнул, и... внезапно едва уловимая дрожь пробежала по его телу. Сначала я даже подумал, что мне померещилось, но потом ясно увидел, как изменилось выражение его лица – за бледной маской бессмысленности сверкнула искра памяти.

– Вона оно какое, это лето, – едва слышно прошептал он. – Да? Там, за окном... Точно такое же, солнечное, пестрое... Прямо как тогда.

Я улыбнулся. С ним явно что-то случилось. Наверное, мои вопросы каким-то образом пробудили в нем воспоминания – такие воспоминания, что он даже испугался. А может, то была лишь тоска? Горькие слезы о былом, которые он неимоверным усилием воли сумел удержать?

– Так ты помнишь его, Серег?

– Частично... А ты?

– Я тоже. Но вспомнил почему-то только сегодня.

Проснулся и увидел, как мы... – На мгновение я растерялся: картина, представшая моему взору, была настолько отчетливой и живой, что я утратил всякое ощущение реальности. Взяв себя в руки, продолжил: – Вспомнил, как сидел на берегу с удочкой, и как ты возился с этой твоей бочкой.

– Бочкой... – мечтательно протянул Серега.

– Ну да. А потом мы увидали его. Он подошел и...

* * *

...заговорил, как ни в чем не бывало.

Но что-то ведь было и перед этим? Целая жизнь, длиною в несколько лет. И время это – пронизанное потоками солнечного света и летнего тепла, а также зимней стужей и снегопадами, меланхоличным дыханием осенних дождей и томительным предвкушением весеннего цветения, – время это определяло, каким ты станешь в будущем. Зарождение новой вселенной, именуемой человек. Детство... Куда уходит память о нем?

То было интересное лето, и вместе с тем среди назойливой трескотни кузнечиков и усыпляющего журчания воды в речке, где-то в густых зарослях крыжовника, а может, и в глубине кроличьей норы – где-то там скрывалось некое смутное

предчувствие, что в определенном плане лето это будет последним. Почему? На этот вопрос не имелось ответа, и, слушая, как набирает силу гроза за окном, а в соседней комнате похрапывает Сережкина мать, я тщетно пытался его отыскать. Что дальше? Неужто все закончится, исчезнет, канет в тартарары?

В комнате не было света, а потому, укутавшись с головой одеялом, я включил фонарик и погрузился в чтение. Говард Лавкрафт, «История Чарльза Декстера Варда». Повесть в сборнике ужастиков, что случайно обнаружился в шкафу среди десятка отсыревших, пропахших плесенью книг. «Можно?» – спросил я у Сережиной матери, протягивая ей сборник. Она с сомнением глянула на обложку (красное с белым, отпечаток окровавленной ладони, угрожающее название): «А страшно не будет?» Я мотнул головой, и она пожала плечами.

И вот теперь Сережка с матерью спали в соседней комнате, а я с замиранием сердца следил за таинственной и пугающей жизнью некоего Чарльза Варда, между делом прислушиваясь и к нарастающему шуму дождя за окном. Но в какой-то момент мысли ушли от страшилки Лавкрафта, вернувшись к дурному предчувствию. По-своему я любил Сережку и, не имея собственной деревни, с превеликим удовольствием гостил у него. При этом всячески старался не обращать внимания на презрительное «городской», как окрестила меня местная ребятня. Я был беспристрастен, и меня вполне все

устраивало. И эти полные увлекательных приключений жаркие дни в компании Сережкиных друзей, и пронизанные тишиной – а иногда, как теперь, звуками грозы – ночи, что я посвящал историям из забытого в шкафу сборника. И ведь только наступил июль! До школы еще целая вечность, – ни тебе уроков, ни скучных городских будней, провонявших бензином и пылью, а еще – сам не знаю почему – отцовским потом, когда тот возвращался с работы. Офицер... Все это осталось где-то там, словно бы по другую сторону реальности.

Что же тогда не так?

Я закрыл книгу и выключил фонарик, перевернулся на спину и уставился в потолок, под которым жирными медузами плавали маслянистые тени. За окном сверкнула молния, а где-то вдали – возможно за рекой или даже за полем – угрожающе отозвался гром. Раскатистое эхо прокатилось по мирно спящей деревне, и в нескольких домах испуганно залаяли собаки.

Предчувствие никуда не ушло, лишь сделалось сильнее. Словно бы утром мне предстояло идти к дантисту, удалять нерв или драть зуб. Я поежился. Завтра будет завтра. Лето и душливый после дождя воздух... И вроде бы мы с Сережкой собрались на рыбалку... А может, и не пойдем. Разве не в этом свобода выбора? Пускай я ничего и не смыслил в рыбной ловле, но все-таки...

Я закрыл глаза.

В памяти мелькнули строчки, вычитанные в одной книжке. Кажется, она тоже была о лете и об одном мальчике. Как же его звали?.. Дуглас! Этот славный парнишка любил жизнь, он любил своего деда и младшего брата, отца и обитателей городка, где жил. И, конечно же, он любил лето. Что же он там говорил?

Этого я так и не вспомнил, потому что в следующее мгновение провалился в бархатные объятия сна.

* * *

Проснулся рано, сладко зевнул и потянулся, меж делом прислушиваясь к тому, как за окном надрываются соседские петухи да сварливо потявкивают местные дворняги. Подрагивая от холода, выбрался из-под теплого одеяла, так как терпеть больше не было сил, и, на цыпочках пройдя через комнату, где все еще спала Сережкина мать, выскользнул в сени. Оказавшись на улице, я и вовсе покрылся мурашками – утро выдалось довольно прохладным, хотя день обещался быть жарким. Солнце только-только появлялось из-за горизонта, гоня прочь вздувшиеся ленивые облака. О ночной грозе напоминали лишь примятая влажная трава да многочисленные лужи на дороге.

Обогнув дом, я забрался в разросшийся там кустарник и с превеликим удовольствием облегчился. Моча впитывалась в землю, и от нее шел пар. Я зябко поежился, предвку-

шая возвращение в теплую постель, где меня поджидали еще пару часиков сна или же продолжение таинственной истории Лавкрафта, – как пожелаю.

Не тут-то было!

– Двинься, – буркнул Сережка.

Я покорно отошел.

– Доброго утра.

– Будет добрым, как только отолюю, – пробормотал он. –

И почему по утрам так?

Я направился к дому и уселся на крыльце. Озноб постепенно проходил, как и мечты о дальнейшем сне. В траве у меня под ногами извивалась мохнатая гусеница с желтыми полосками по бокам; всеми силами она пыталась отогнать настырного черного муравья. Тот не сдавался.

Через некоторое время вернулся Сережка. Он присел рядом и мечтательно посмотрел на темнеющий вдали лес. Не без удовольствия поковырявшись в носу, задумчиво произнес:

– Хорошо тут.

– Ага.

– Гораздо лучше, чем в душном городе.

– Ага.

Так рассуждал Сережка, даже и не догадываясь, что через год-другой сделается завсегдаем каменных джунглей, забудет дорогу к таким вот деревенским рассветам, и наши с ним жизненные пути навсегда разойдутся. Но, конечно же,

в то утро мы ведать не ведали, как оно все обернется, и считали друг дружку лучшим друзьями едва ли не на веки вечные.

– Ну, какие у нас на сегодня планы?

Сережка оглянулся на дом, потом посмотрел на меня своими темными умными глазами. Его уши забавно торчали, а ветер перебирал растрепанные ото сна волосы.

– Мамка проснется, пожрем да на реку, – сказал он. – Буду учить тебя рыбу удить.

– Удочками?

– Нет, блин, руками! Гарпунить ее будешь.

Я засмеялся, и он снисходительно улыбнулся в ответ.

– А мы жрать точно хотим? – спросил я. – Может, ну его, этот завтрак? Айда прямо сейчас, к обеду как раз воротимся.

Тут вновь заголосили петухи. Из дома напротив вышел сосед – жилистый и весь словно бы прокоптившийся от многодневной работы на солнце. На плече у него красовалась синеватого цвета наколка, сделанная, видимо, очень давно, так что разобрать сам рисунок казалось уже невозможным. Одет же он был типично по-деревенски: болтающиеся кальсоны и грязная майка, а на ногах – безразмерные галоши. Потянувшись, сосед приветливо махнул нам рукой, после чего огляделся, будто бы что-то искал, и убрался обратно в сени. Спустя минуту-другую вернулся с сигаретой в зубах, прикурил и с довольным видом уставился в сторону восходящего солнца.

Начинало припекать.

– Без завтрака нельзя, – сказал Сережка. – Да и мамку предупредить надо, куда мы собрались.

– Зачем?

– Балда, ты ж теперь вроде как у нее на попечении! – Сережка не больно ткнул меня локтем в бок. – Ладно я, но она и за тебя ответственность несет.

Об этом я как-то и не подумал.

* * *

– Ну что, разбойники, куда намылились?

Перестав терзать вилкой яичницу-глазунью, я скопился на Сережку.

– На реку пойдем, – ответил он, – рыбу ловить.

– Хм...

Я куснул толстую красную помидорину, тщательно прожевал. Завтракать совсем не хотелось; где-то рядом все еще стоял преданный сон, и уж очень неплохо было бы вернуться к нему. Хотя бы на пару часиков. Поваляться в кровати, как обычно я делал дома. Послушать бормотание телевизора...

– Купаться, надеюсь, осторожней будете?

– Какое купаться?! – искренне возмутился Сережка. – Рыбу ловить идем!

– Ну, естественно, – мягко улыбнулась его мать. – Только если полезете в воду, повнимательней. Течение там ковар-

ное. Это оно с виду спокойное, а на деле...

– Все знаю, мам, – перебил Сережка. – Помню еще, как в том году утопленника вытаскивали.

– Угу...

Насколько я понял, тема про утопленников не особо понравилась Сережкиной матери, и развивать ее она не стала.

Я глотнул молока, слушая, как в соседней комнате, разъяренно жужжа, бьется об стекло толстая муха. Озорные солнечные лучи заливали дом. Лето терпеливо ждало нашего участия, подобным незатейливым образом напоминая о своем существовании – вдруг забыли!

– Ну, ты чего? – Сережка уставился на меня. – Наелся?

– Угу, было очень вкусно. – Я повернулся к его матери. – Спасибо.

Она с усмешкой глянула на мою тарелку, в которой осталась добрая половина растерзанной яичницы.

– Ведь не съел же ничего.

– Да я по утрам не любитель, плохо ем.

Она понимающе кивнула.

– Лан, тогда пошли!

Видно было, что Сережке невтерпеж поскорее убраться из дома. Все ж снаружи нас ждут не дождутся мир и рыба, а мы тут о дурацких тарелках да завтраках разговариваем.

– Ну, бегите, – сказала его мать. – И поосторожней там.

Река и правда выглядела подозрительно спокойной. Казалось, нужно и вовсе не уметь плавать, чтобы умудриться утонуть в этом безобидном ручейке. Тем не менее внешность, как известно, штука обманчивая – вода в реке была холодной и темной, а глубина превышала несколько метров: и дна-то не разглядишь!

Так, скучая, я сидел на обрывистом берегу, сжимая в руках кривоватую самодельную удочку и слушая надрывное стрекотание кузнечиков да озорное щебетание птиц. Сонная деревня лежала километром правее, и над крышами ее избышек в мареве июльской жары и тополиного пуха плавали смутно различимые звуки обыденной жизни. Отраженное солнце жидкой огненной сферой утопало в черноте воды, по которой то и дело серебристыми бликами мелькали всевозможные водомерки и вертячки. Жужжали пчелы, порхали бабочки. А на росшем возле меня кусте деловито грелась большущая коричневого цвета стрекоза. Коромысло – определил я, мечтая сцапать стрекозу и не представляя, как это сделать. Своими глазищами стрекоза внимательно следила за мной – малейшее движение в ее сторону, и она тут же даст деру. В воде же равномерно покачивался унылый поплавок – наживка в виде червя совершенно не интересовала здешнюю рыбу. По крайней мере, в данный момент.

Вот поэтому я и не люблю рыбалку: нужно сидеть и терпеливо ждать. Ждать, ждать...

Где-то самодовольно квакнула лягушка, и что-то подозрительно зашевелилось в тине у берега. Не иначе как жужелица охотится...

Сережка же находился в нескольких метрах поодаль. Сам он предпочитал ловить «на блесну», хвастаясь, что, дескать, в прошлом году таким образом вытащил целую щуку. Я разглядывал реку и так и этак – уж никак не верилось, что в ней водятся «целые щуки».

– Ну что, клюет?

– Не-а.

– Фигово...

Было невыносимо скучно. Сладким медом внутри меня разливалась сонливость, и казалось, будто она густо перемешивается с медленно нарастающим полуденным зноем. Того и гляди, вовсе усну. Да-а, не так представлял я себе загадочно-мистическую рыбалку, от которой сходили с ума многие мальчишки и даже взрослые дядьки. При таком раскладе даже тархтящий по пыльной дороге трактор уже событие.

Я проводил трактор взглядом, затем посмотрел на деревню, на пики крыш и купола церкви вдали. Купола все были обветшалые, и лишь новехонький криво поставленный крест сиял на одном из них. Этаким символом несокрушимости веры. Невольно улыбнулся, вспомнив рассказы Сережки о местном батюшке. Если вкратце, то церковь была уже старая, довоенная, и, пораздумав, здешний священник затеял ремонт. Собрал, значит, с набожных деревенских жителей денег

на нужды храма божьего и... установил один новый крест. Причем установил его довольно-таки косо – словно бы сам этим и занимался, – так что отныне, глядя на купола церкви, даже как-то стыдно делалось. Возвышенность веры терялась в человеческой нелепости. А больше в церкви ничего и не поменялось. Мол, рублики кончились и надобно еще.

«Зато, – подвел итог Сережка, – поп прикупил себе иномарку и возвел нехилую пристройку у дома»...

– Видать, наживка не нравится, – грянуло над самым ухом, и от неожиданности я даже вздрогнул.

Стрекозы давно и след простыл, а лягушки у берега насторожено притихли.

– Так ведь червь! – изумился я.

– Толку-то? – фыркнул Сережка. – Нужно на опарыша, рыба его любит.

– И где этого твоего опарыша взять?

Сережка задумался, я же вновь посмотрел в сторону церкви. Все ж мне казалось возмутительным такое поведение священника. Ведь церковь же! Бог все видит, как можно так на нем наживаться?

– Рядом с Вариным болотом недавно дохлую псину видел, – сообщил Сережка, отплевываясь от лезущего в рот тополиного пуха. – Можем сходить, насобирать.

Вариным болотом звалось озерцо неподалеку от кладбища, где по легенде утопилась некая девица Варя. Почему она так поступила, никто знать не знал, но с тех пор как это слу-

чилось, по деревне поползли всевозможные байки – якобы Варя плачет там по ночам да неустанно зовет кого-то. Естественно, детвора толпами рвалась туда, но только днем. С наступлением сумерек к болоту не отваживались приближаться даже самые старшие из ребят.

– Кого насобирать? – не понял я.

– Кого-кого, опарышей! Тепло, солнечно, их в собаке сейчас тьма-тьмуца!

Его восторгу не было предела.

– Может, ну их, а? Не больно-то хочется ковыряться в дохлятине.

– М-да, дело твое, – хмыкнул Сережка, окинув меня уничижительным взглядом. – В принципе, наверное, рыба просто вверх по течению ушла.

Я вновь посмотрел на реку и начал неспешно сматывать удочку. Тем не менее что-то было не так: леска натянулась и не хотела сворачиваться.

– Зацепилась, кажись, – всполошился Сережка. – Погоди... Да не тяни ты, балда! Порвешь же! Эх, неумеха... Дайка сам все сделаю.

Он отобрал у меня удочку и начал возиться с зацепившейся леской. Я тем временем поднялся с земли и, потянувшись, огляделся по сторонам. Ну и хорошо же здесь! Солнце жгло мои бледные плечи, напекало голову (кепки у меня не имелось, а брать бесформенную панаму, которую предлагала Сережкина мать, я не решился: боялся, что засмеют, – настоль-

ко нелепа была панама). За спиной у меня грозно высился лес – неизменный атрибут всевозможных местных страшилок, – а спереди, чуть правее, – деревня, жители которой эти страшилки и сочиняли. Слева речка уводила к холмам, а по правую руку раскинулось большущее поле – этакие бесхозные земли, заросшие ромашкой, всевозможной муравой и безымянными кустарниками. И кто-то неторопливо шел по полю, но был он так далеко, что разглядеть не представлялось возможным...

– Странно, – прервал мои мысли Сережка.

– А?

– Гляди, она что-то тащит, – и он указал на леску.

Действительно, с небольшой натяжкой, но леска все ж поддавалась. Сережка осторожно тянул ее на себя. Спустившись к самому берегу и забавно балансируя из стороны в сторону, он отчаянно пытался сохранить равновесие и не бухнуться в воду.

– Может, это утопленник? – предположил я.

Сережка испугано посмотрел на меня.

– Может, и утопленник, – прошептал он. – В любом случае что-то там, на дне... Ого!

Из воды показался кусок сетки, покрывающей каркас престранной штуковины, предназначение которой мне было неизвестно.

– Да это ж бочка! – воскликнул Сережка.

Никакой бочки я в упор не видел, но предпочел воздер-

жаться от комментариев. Молча следил за действиями друга. В итоге выяснилось, что бочкой называют обтянутую сеткой корзину с отверстием посередине.

Сережка вытащил корзину на берег, отцепил от нее рыболовный крючок и быстро смотал леску.

– Здорово, – на всякий случай восхитился я, – а что это такое?

– Рыбу ловить, – объяснил он. – Внутри кладется хлеб или еще какая приманка, и рыбина заплывает. А поскольку рыбина глупая, обратно ей уже не выбраться.

И правда, внутри корзины лежала парочка мертвых карасей, кусок чего-то непонятного – судя по всему, размокший хлебный мякиш, – да разъяренно бился огромный водяной жук.

– Глянь-ка.

Сережка схватил жука.

– Плавунец, здоровущий какой! – восторженно произнес он. – На тухлятину, плут, пожаловал.

Я отобрал у него жука и внимательно его рассмотрел. Как выглядит плавунец, я прекрасно знал, все ж то была моя любимая добыча в таком нелегком деле, как ловля жуков. Самец. Темно-коричневое брюшко, окаймленные бронзовой полоской матово-синие крылья, мощные задние лапы с щеточками на концах, маленькая голова. Жук все еще не терял надежды спастись бегством, но я крепко держал его, помня, что эти хитрецы не только хорошо плавают, но также мо-

гут кувыркаться и прыгать, отталкиваясь задними лапками. А еще они умеют летать, хотя пользуются этим умением почему-то крайне редко.

– Вот так свезло! – Сережка уже и думать забыл о жуке. Вытряхнув карасей и отшвырнув их в сторону, он влюбленным взглядом изучал бочку. – Целая, даже не порвана нигде. Да и сработана на славу. Свезло так свезло!

– Чья она?

– Да какая разница? Ничья! Наша теперь! Зырь на рыбин – давно уж подошли. Видать, про бочку и вовсе забыли. Значит, нашей будет.

– Классно...

Плавунец отчаянно вырывался у меня из пальцев. Я же, подняв голову, заметил над водой еще двух стрекоз. Меня всегда поражала их манера летать рывками, туда-сюда. Не так хаотично, как, скажем, у бабочек, которые не столько летают, сколько скачут по воздуху. У стрекоз все иначе. Они гораздо быстрее и проворнее. Настоящие истребители в мире насекомых.

Миг – и стрекозы умчались. Я же, от нечего делать, подошел к карасям. Осторожно втянул носом воздух и почувствовал едва уловимый запах гнилья. Уже через полчаса солнце сделает свою работу, и вонять они начнут дай боже. Это соберет тьму-тьмушую всяких мелких букашек-таракашек.

– Надо бы домой ее унести, – сказал Сережка, очищая

ценную находку от водорослей и тины.

– А чего так?

– Да вдруг хозяин объявится.

Я кивнул. Не то чтобы мне так уж сдалась эта корзина, но возвращать ее хозяину никак не хотелось. Находка она на то и находка, верно?

– Так что, мы ее прямо сейчас потащим? – спросил я. – Или еще посидим?

Но Сережка не ответил. Он смотрел куда-то мимо меня, и взгляд его был серьезен. Тогда я обернулся и увидел незнакомца, шедшего к нам со стороны поля.

* * *

Он остановился в паре метров поодаль и преспокойно уселся на траву. Сорвав тростинку, сунул ее в рот, задумчиво посмотрел на реку, затем куда-то в синеву неба и блаженно улыбнулся.

Мы же, с опаской косясь на него, держались на почтительном расстоянии.

– Привет, ребят, – вдруг сказал он и с прищуром глянул на нас.

Был этот тип довольно высокого роста, ни худой, ни толстый, одет в потертые джинсы и закатанную в рукавах клетчатую рубашку. Лицо и руки темные от загара, волосы русые, а глаза – когда он повернулся к нам лицом – непостижи-

мым образом переливались, менялись. И не было возможности установить, какого именно они цвета. Секунду назад темно-янтарные, как застывшая древесная смола, и вдруг – бац! – уже густо зеленые, словно вольная мурава на поляне. Тем не менее незнакомец совершенно не вызывал опасения. Было в нем что-то располагающее, дружеское, можно даже сказать, доброе. Нутром я чувал, что доверять ему можно.

– Здравствуйте, – сухо отозвался Сережка.

Я же хранил молчание: мало ли что.

– Ну как вы тут, рыбы много наудили?

– Да не особо, – все так же хмуро ответил Сережка. – А вы откуда? Я вас не знаю.

– Откуда я? – Незнакомец посмотрел в сторону поля, на линию горизонта вдаль. – Да как сказать... Отовсюду. Вот, прогуляться решил.

– Отовсюду? Это как так?

Вместо ответа незнакомец указал рукой на корзину.

– Гляжу, бочку вытащили.

– А она что, ваша, что ли? – мигом набычился Сережка, и в голосе его подозрительность сменилась неприкрытой воинственностью.

– Да нет, не моя, – примирительно сказал незнакомец, продолжая таинственно улыбаться – так, словно бы знал что-то, чего не знали мы. – Парнишки одного. Но он, к сожалению, не сможет ее забрать. С ним беда приключилась – ногу сломал, когда с гаража прыгал. Так что теперь в городе,

в душевной больнице с гипсом лежит. Скучает.

– И что?

Незнакомец пожал плечами.

– Можешь забрать себе.

– А-а... Спасибо.

Подобное великодушие несколько успокоило Сережку, но он по-прежнему держался бочком, насупившись, прямо-таки со звериной осторожностью. Мне же оставалось лишь моргать, так как по неизвестным причинам я вовсе не ощущал никакой опасности.

– Да не за что.

– А как звать того парнишку?

– Дима, – машинально ответил незнакомец. – Но он не из твоей деревни. Из соседней.

– А откуда вы знаете, из какой я деревни?

– Так я вас всех знаю, – хмыкнул незнакомец. – В определенном смысле, я живу ради вас.

Это прозвучало довольно странно, и я поглядел на Сережку.

– Как так?

– Ну вот, как-то так, – отозвался незнакомец. – Ведь ты же любишь лето? И друг твой, – он кивнул в мою сторону, – тоже любит. Правильно?

– Угу.

– Вот потому я и знаю вас.

Сережка растерянно посмотрел на меня, затем вновь по-

вернулся к незнакомцу.

– Вы кто?

– Июль.

Ответ поразил нас обоих. От неожиданности я даже выпустил порядком уже запыхавшегося жука, и тот плюхнулся куда-то в траву. Я хотел было нагнуться и подобрать его, но передумал.

– Что значит июль?

– Имя мое. Меня зовут Июль.

– Чепуха какая-то, – запротестовал Сережка. – Июль – это месяц! Не бывает таких имен.

– Верно, месяц. И мое имя. Я и есть месяц Июль.

Сережка надолго замолчал. Я же тщетно пытался перевернуть услышанное – было во всем этом что-то мистическое, даже сказочное...

Сам не понял, как спросил:

– Вы – лето?

Июль ласково улыбнулся, и мне вдруг стало очень легко на душе. В тот момент я окончательно убедился, что опасаться этого странного человека не стоит. Чудак? Всякое может быть. Но зла он не причинит. В глубинах его глаз не таилось никакой угрозы. Он просто гулял, он...

– Я – лето. Вернее, лето – это я, – сказал Июль.

– Ничего не понимаю, – рассердился Сережка. – Лето – это время года, а июль – название месяца. Вы не можете быть летом.

– Это почему же?

– Ну-у... потому что... – Сережка замялся. – Просто не бывает такого!

– Сереж, – впервые прозвучало его имя, и Сережка аж подпрыгнул от удивления, – ты веришь, что бедная Варя плачет ночами у озера, где утонула? Веришь ведь, да? Так почему не хочешь поверить в меня?

– Потому что там привидение, – и глазом не моргнув, заявил Сережка. – Привидения существуют – это всем известно! А вот про то, чтоб месяцы по земле разгуливали, такого я что-то не слышал.

– Значит, будешь первым, кто об этом расскажет, – хмыкнул Июль, пожевывая тростинку. – Месяц ведь наступает, приходит. Ты сидишь в школе, слушаешь урок Нины Васильевны и наблюдаешь, как за окном зима сменяется весной. Одни месяцы уходят, другие приходят. Вот я и пришел.

То, что Июль знал имя нашей классной руководительницы, поразило еще больше, чем то, что он знал наши имена.

– Это как в сказке, что ли?

– Ну да, – кивнул Июль.

– Не бывает такого, – огрызнулся Сережка. Тем не менее в его словах чувствовалась неуверенность.

– А чего вы сейчас хотите? – отважился я на очередной вопрос.

– Ничего, – сказал Июль, – просто гуляю. Мне порой интересно посмотреть, что и как в этом мире делается. Прой-

тись по полю, понаблюдать за рыбой в реке, подремать в тени деревьев где-нибудь на опушке леса, поглядеть, как резвится ребятня. Ведь я, в большей степени, живу детством – верой, что вы меня ждете, радуетесь мне. Я есть только до тех пор, пока нужен.

– А как же остальные времена года? Весна там, зима?

– У них свои предпочтения. Весна живет влюбленными, их радостью, биением их сердец. Осень – воспоминаниями стариков, меланхолией. Зима, в принципе, та еще злюка. – Июль усмехнулся. – Но и у нее случаются хорошие моменты. Ей льстит детская вера в чудеса перед новогодними праздниками, снежки и все такое.

– И они тоже гуляют?

– Иногда. Тут все зависит от настроения.

– Ерунда, – настаивал Сережка. – Все равно так не бывает.

– Отчего же? – Июль сорвал травинку, покрутил ее в пальцах. – Видишь? Трава же бывает. И рыба, которую ты ловишь, – она тоже бывает. Сережа, а то, с какой радостью ты бросаешь в угол портфель, когда последние уроки окончены и приходит пора летних каникул; то, с каким нетерпением помогаешь своей маме собраться и с каким предвкушением вы едете сюда, – это ведь бывает?

– Это не одно и то же.

– Да, но одно зависит от другого. Не будь меня, ты бы перестал радоваться, загрустил. Не будь твоей радости, не было бы меня. Понимаешь?

Я понимал. Я смотрел на этого человека, назвавшегося Июлем, и мне было ясно, что он имеет в виду. Все взаимосвязано. Мы радуемся солнцу, и солнце радуется нам. Мы ждем лета, а лето ждет нас.

Просто... лето порой тоже хочет погулять.

– А что будет, когда я вырасту? – вдруг спросил Сережка.

Я и сам собирался задать подобный вопрос, мысленно шел к нему, но он еще не успел сформироваться у меня в голове.

– Так ведь родятся другие дети, которые будут радоваться мне, – ответил Июль. – А ты, повзрослев, начнешь ценить какое-нибудь иное время года, и тем самым будешь помогать уже ему.

Сережка нагнулся ко мне и прошептал:

– Шизик какой-то. Давай убираться отсюда.

Я удивленно глянул на друга: настолько меня поразили его слова. Неужто он не понимает, неужели не видит? Как же так?! Я хотел было что-то сказать, но у меня будто ком застрял в горле.

– Все нормально, Жень, – добродушно заметил Июль. – Идите. Не стоит ничего говорить.

Сережка схватил корзину-бочку и быстро потащил ее прочь.

– Ты идешь? – крикнул он мне, не оборачиваясь.

Я продолжал разглядывать незнакомца, а тот, в свою очередь, с прищуром смотрел на меня.

– Как? – только и спросил я.

– Пока ты веришь, я знаю, – ответил Июль. – Не забивай этим голову, наслаждайся и дальше своим временем. А что касается твоего друга, то он просто начал взрослеть. И это не его вина, что он видит во мне угрозу вместо волшебства. Ничего дурного здесь нет.

Его слова слегка задели меня.

– А я разве не начал взрослеть?

– Детство еще крепко в тебе. Ты непредвзят и веришь в чудеса, а это самое главное. У тебя есть воображение, Женя, не потеряй его.

Сережка уже отошел метров на десять, когда понял, что я не иду следом.

– Ну, ты чего?! – крикнул он с плохо скрываемой яростью. – Давай живей!

Я глянул на друга, вновь повернулся к Июлю.

– А что будет потом?

– Этого я тебе сказать не могу, – улыбнулся он. – Твоя жизнь на то и твоя, чтоб оставаться тайной и оттого интересной. Сам же я некоторое время посижу здесь, а затем отправлюсь куда-нибудь еще. В мире есть множество мест, куда стоит заглянуть.

– Жека! – настойчиво позвал Сережка.

– Теперь иди, – кивнул Июль. – Не стоит вам с ним ругаться, успеется.

– Когда я снова увижу вас?

– Как только закончится очередная весна, – подмигнул

Июль. – С первым солнечным лучом первого летнего месяца я буду заглядывать к тебе в гости.

Я развернулся и побрел прочь, сам себе на уме, не замечая ничего и никого вокруг – ни травы, ни жуков, ни Сережкиной брани. Мысли волчком крутились в голове: что же все-таки имел в виду этот Июль?

– Ребята, не теряйте воображения!

Мы обернулись, но поляна была пуста, лишь тихо урчала вода в реке, стрекотали кузнечики, да вдали, в деревне, заливалась лаем какая-то собачонка.

* * *

А дальше все пошло само собой.

По возвращении домой Сережка рассказал обо всем матери. Та слушала и хмурилась, даже решила сообщить новость соседям – так, на всякий пожарный. Ночью же я вновь читал страшилки из сборника, но разные мысли донимали меня, и потому я никак не мог уследить за сюжетом...

Чудеса и диковины! – Передай дальше.

Как-то так назывался странный рассказ, однажды вычитанный мною в найденном на чердаке фантастическом журнале. Что-то волшебное было в этих словах – надежда, своеобразная вера в светлое и прекрасное. Может, даже призыв к действию?

Тогда я еще не знал, что повесть о мальчике Дугласе, ко-

торый любил лето, и этот странный рассказ написал один и тот же автор – настоящий Волшебник! Что же узнал он такого, чего не знали все остальные? Что увидел? Быть может, в свое время он тоже повстречался со странным путешественником, которого звали Июль? Лето посоветовало ему не терять воображения, и он не потерял его...

Так я и уснул – с открытой книгой и включенным фонариком.

В те дни предчувствие чего-то плохого больше не донимало меня. Лишь однажды я ощутил нечто этакое: когда уезжал от лучшего друга в жаркий и душный город, к телевизору и запаху отцовского пота. «Скоро встретимся», – хлопнул меня по плечу Сережка. И тут я увидел все это – свое ожидание надвигающейся беды – в его глазах. Там эта беда и таилась, оттуда и брало начало мое предчувствие.

Автомобиль мчался по проселочной дороге, вздымая облака пыли, а я, погруженный в раздумья, тряся на заднем сиденье. В какой-то момент я даже испугался, что с Сережкой приключится беда, что он не вернется, и я никогда больше его не увижу. Но чуть позже я вспомнил слова Июля: он просто начал взрослеть.

Что ж, ответ скрывался именно здесь.

Минуло полгода, зима развернула над городом свое покрывало, а я начал замечать, как постепенно отдалается от меня Сережка. В нем произошли разительные перемены. Наши с ним дороги сошлись вместе, переплетались какое-то

время, а после начали расходиться. Я потерял друга, вместо него у меня появился приятель – человек, с которым можно поговорить на отвлеченные темы, выпить бутылку-другую пива. Но не мечтать. Не вспоминать. Не обсуждать. Ведь интересы у нас отныне тоже стали разные.

Наши жизненные пути удалялись друг от друга все дальше и дальше. Так, со временем, я потерял и приятеля.

* * *

До сегодняшнего дня, когда проснулся и взволнованно уставился в окно, откуда мне улыбался Июль. Нет, в этот раз он не был человеком, одна сплошная магия – озорной луч на полу, затаившийся ветер в кронах деревьев, золотистые отблески на карнизе, неутомная бабочка-капустница, ткнувшаяся в стекло и умчавшаяся прочь. Но Июль определенно был здесь, я чувствовал его присутствие.

– Куда это ты? – поинтересовалась жена.

– Надо!

И, даже не закрыв за собой дверь, я устремился на улицу.

Весь день пробродил по местам своего детства, с тоской отмечая, сколь многое изменилось за минувшие годы. Наверное, впервые мне стало грустно оттого, что нельзя ничего вернуть – хотя бы на пару часиков! – просто чтоб насладиться, вновь ощутить в себе это чувство. Радость и волшебство.

– Чудеса и диковины, – шептал я.

А потом вот решил навеститься на старую квартиру друга. Я не особо рассчитывал, что он до сих пор пребывает здесь. Думал, Серега разбогател, давно уже перебрался в другой город...

Дверь мне открыла незнакомая и, судя по виду, сильно уставшая женщина. Я представился, поинтересовался, здесь ли живет такой-то, – и был приятно удивлен, когда она раздраженно крикнула в пыльную глубь комнат: «Эй, тут к тебе пришли!» Так мы оказались в убогой кухоньке, где обрюзгший и облысевший Серега пытался впихнуть мне стопку дешевой водки. Женщина была его женой, звали ее Марина. Она злобно прищыкнула, когда ее муж с довольным видом потащил меня на кухню, где целеустремленно принялся греметь посудой.

Что же с ним произошло?

– Все равно он был ненормальным, – пробурчал Серега, глядя на меня слезящимися глазами. Каким-то невероятным усилием воли он сумел одержать верх над своей памятью. То, что его так растрогало, ныне постепенно уходило. – Чертов Июль! Не-е, Женек, ты меня, конечно, прости, но я ж тебе не сопливый пацан, чтоб верить во всю эту хрень.

Плеснув еще водки, Серега быстро опрокинул ее в себя. Звучно выдохнув, заел куском черствого хлеба. Алкоголь окончательно разрушил волшебство, готовое вот-вот пробудиться под действием воспоминаний. И мне вдруг показалось, будто Серега и вовсе не хочет, чтобы тот озорной тем-

новолосый мальчуган, каким он некогда был, возвращался. И еще мне показалось, что Серега даже боится его. Может, ему просто было стыдно?

Он вновь потянулся к бутылке.

– А сам-то ты как? – пробормотал заплетающимся языком. – Где работаешь? Семья там, дети?

Все умерло. Начались скучные рафинированные разговоры на повседневные темы, и мне оставалось лишь вздохнуть. Сегодня я вновь почувствовал прикосновение детства, но так и не сумел его отыскать. В принципе, глупо было даже пытаться. Ведь нельзя вернуть то, что безвозвратно ушло. Нет, нельзя...

А еще я подумал, что, наверное, мы просто безнадежно повзрослели.

Не дождавшись ответа, Серега осушил стопку.

– Э-эх, хороший продукт!

И внезапно его повело, взгляд утратил фокус, и Серега, что-то бубня себе под нос, повалился на стол. Я испугался, даже вскочил со стула, но, услышав размеренный храп, все понял.

Потоптавшись некоторое время на кухне, я вышел в прихожую и позвал Марину.

– Чего?

– Кажись, он готов, – сказал я.

– Опять уделался, что ли? – рассердилась она. – Ничего, пусть там и дрыхнет, алкаш треклятый! Скотина! Ему

не привыкать. Да и вы все задолбали уже! Ходите-бродите, пьянствуете тут. Житья от вас нету!

Не дожидаясь, пока она окончательно разъярится, я поспешил уйти.

* * *

Замерев посреди двора, растерянный, я смотрел на резвящихся в песочнице детей, и на оккупировавших лавочки стариков, и на говорливых мамаш с колясками. Их тени причудливыми фигурами скользили по земле, в то время как послеобеденное солнце лениво плыло в синей густоте неба. Кругом порхал тополиный пух, жужжали шмели. И где-то вдалеке погромыхивал допотопный, с облупившейся по бокам краской, трамвай. А в лицо мне дышало зноем. Веяло городом, но то была не отвратительная вонь урбанизации, нет. Что-то совершенно иное. Что-то повседневное, привычное и потому не замечаемое.

Я поглядел себе под ноги и с удивлением обнаружил несколько суетливых муравьев, спешащих по своим делам. А у подъезда величественно восседал огромный рыжий котятра, насмешливые глаза которого были такими же рыжими, как и его шерсть. И все это словно бы складывалось в цветастый калейдоскоп из пестрых образов и дурманящих запахов, проникало в самую душу. Несмотря на все разочарования дня, хотелось мчаться незнамо куда, и дышать полной

грудью, и ликовать без всякой на то причины, и просто жить!

И тогда меня вдруг осенило: волшебство... – я ведь во-все и не утратил его, как мне оно показалось. Магия лета по-прежнему была здесь, наполняя пространство вокруг, и Июль стоял где-то рядом. Он добродушно поглядывал на меня и, быть может, загадочно улыбался. Он был все такой же – высокий, загорелый, с неопределенного цвета глазами и неизменной тростинкой во рту.

Я буквально слышал его слова:

– Не теряй воображения.

И от этого становилось легче. Июль был здесь, – детвора радовалась ему, пусть и не осознавала этого, да и мамы со стариками тоже радовались. И даже котяра у подъезда казался вполне довольным его появлением. Ведь дело совсем не в возрасте, верно? Дело в воображении. Июль живет именно там, где сохраняется и детство, и вера, и волшебство.

И теперь, когда я наконец понял это, мне осталось лишь повторить слова Волшебника, сказанные им задолго до моего рождения.

А потому, улыбнувшись лету, я прошептал:

– Чудеса и диковины, – передай дальше...

Сор, прах, старый сюртук и тихое бип-бип

Камелия Санрин

Сколько помню, меня всегда угнетала потребность людей всё классифицировать. Поскольку, будучи мелким, я мотылялся вне поля радара и подлежал лишь одной классификации: «мелочь пузатая». Я рос и со мной росло раздражение. Мне не хотелось быть мелочью. Мелочь ведь никого не интересует. А мне, стало быть, хотелось внимания, любопытства, тихого «ах» и громких аплодисментов. Поцелуев тоже хотелось, конечно. Но поцелуи – табу. Наверное, чтобы поцелуи не были табу, нужно с младенчества привыкнуть к ним. Когда человека кладут поперёк кровати, чтобы расцеловать в пузо и в жопу, человек растёт в понимании своей сладости. Во мне никакой сладости никогда особо не замечалось.

Мой глухонемой дед давал мне пожрать и тыкал носом в грязную тарелку: помой, значит. Приучал к аккуратности и заметанию следов. Пожрал – сделай так, чтоб никто не догадался: то ли ты жрал, то ли нет. Глядишь, накормят по новой.

С другой стороны, вне поля радара – тоже по-своему неплохо. Можно шляться где угодно и никто тебя не замечает. Ибо раз и навсегда установлено: «мелочь пузатая шляется

где угодно. Таково отличие мелочи от человека разумного».

Я, кстати, в курсе, что времена изменились и мелочь сейчас ценится выше, чем в моё время. Но я притворюсь, будто забыл об этом, ок? Окунуться в своё детство – какое-никакое, прошедшее, но незабываемое. Как бы, шучу... но об этом позже.

Я не помню, как в городе появились братья Вонг, но я помню день открытия гаража. Вся малышня, естественно, скопилась у ворот в ожидании чего-то нездешнего. Мы, что постарше, слонялись поодаль, притворяясь, будто нам по барабану и мы тупо случайно сюда забрели. Одним глазом косили на ворота, другим крутили по окрестности. Потом Джон нашёл гайку. Джон был мой лучший друг, да и сейчас он мой лучший друг, хотя и живёт всю жизнь на одном месте, а меня вечно куда-то несёт. Но в этом-то и прелесть: я возвращаюсь в свой городок, захожу к Джону – и вижу всё, что видел и десять и двадцать лет назад – и всё в том же беспорядке. Джон очень умный, на редкость умный человек. Он не умеет ни читать, ни писать, но всё, что ему случилось услышать когда-нибудь в школе или по радио – всё тут. Он всё обдумал, всё понял и применил будь-будь. Он, например, сделал самогонный аппарат, когда нам было четырнадцать лет. Вы слышали когда-нибудь такое? Парень просто пришёл в школу на урок химии и послушал про испарение жидкостей. Потом ушёл и до конца недели в школе не появлялся. Делал самогонный аппарат. Я говорю вам, он гений.

Если бы кому-нибудь было не плевать на его образование – и кто-то бы его заставил учиться – Джон был бы сейчас лауреатом нобелевской премии. Конечно, всем было плевать и папаша Джона был единственный, кто оценил его домашнюю работу. Заграбастал аппарат и гнал без передыху, пока какие-то трубки не пожёг. Джон ему потом ремонтировал время от времени, чисто, чтоб отстал.

Ну и, как вы думаете? – в нашем городке открывается гараж, а мы пропустим? Он два года стоял запертый и брошенный, и не то, чтоб мы не побывали в гараже ночью с фонариком. Не помню зачем – не то клад какой искали, не то трубки для самогонного аппарата. Что-то нашли, Джоник нагрузил меня железками и сам ковылял с оттопыренными карманами и джутовым мешком за спиной. Ногу гвоздём пропорол, вот и ковылял. Но Джону было плевать на болячки и порезы – он обожал свои железки.

Некоторые, кстати, называли гараж конюшной по старой памяти. Но конюшен в округе можно ещё сыскать, а гараж один.

К чему это я? А. Ну, открыли гараж, да. Джон так в нём и работает по сей день. Братья Вонг его когда-то впустили, да не смогли выгнать. Собственно, он у них этот гараж потом и выкупил.

А потом мой дед задумал помереть и я остался ни туда ни сюда, хотели в детдом забрать, но папаша Джона поклялся, что будет за мной присматривать. И присматривал. На-

ливал мне стопочку время от времени и гонял к мяснику за стейком. Конечно, чтобы купить стейк, нужно сперва добыть где-то денег. Я и добывал. Разносил газеты, подметал улицы, чем только ни занимался. У Джона уже стала складываться репутация, его называли «тот чокнутый парнишка с мопедом». Он же соорудил себе мопед из старого велика. Естественно, запчасти должен был поставлять я. Потом снова велел мне найти разных железок и сделал мопед для меня. И я стал зваться «дружок того чокнутого парнишки с мопедом» – и это было уже кое-что. Не «мелочь пузатая». У меня стало появляться своё лицо.

Плохо то, что меня также стали называть «тот парнишка, что вечно копается в мусоре». Людям плевать, что в мусоре можно найти штуки, которые и за пять фунтов не купишь. Например, погнутое колесо от велосипеда. Распрямить обод, приварить спицы, заклеить почти целую резину – и как новенькое. А откуда бы у пацанов, типа нас, были бы свои мопеды. Кстати, то, что Джон так здорово понимает химию, помогло нам сэкономить кучу монет на горючке. Мы ездили на самогоне. Нам в те времена скорость была дороже выпивки. Да и сейчас ничего не изменилось. Джон как не пил, так и не пьёт. А я, хоть и не откажусь иногда от рюмки-другой – но, если можно залить эту рюмку в бензобак моего байка и умчаться куда-то «вззааа-ах!» – так я не стану раздумывать. Мне эта музыка дороже любой амброзии.

Ну вот. Джону вечно нужны были всякие железки. Он все-

гда мог найти им применение. Да видели бы вы его дом! Там же целый музей. Там есть старинные часы, которые он отремонтировал, когда ему было тринадцать лет. Вот, просто: кто-то выбросил, я подобрал и принёс ему. Джон дней десять не ходил в школу, чинил – разбирал и собирал, разбирал и собирал. Даже попросил меня взять в библиотеке книжку про часы с картинками. Я взял. Там всякие схемы, чертежи – глаз сломаешь. Но для Джона это семечки – не буквы же читать. Читать он, кстати, не умеет. Ну, как? – умеет, наверно, но по слогам, хуже любого первоклассника. Но руки у него золотые.

Я люблю бывать у Джона. Он помнит все вещи, у него там настоящий музей. И он помнит такие подробности, которые я уже давно забыл – и рассказывает мне. Как будто снова жизнь проживаешь – так у него побывать. Да, Джон редкий человек. И его легко порадовать – только принеси ему какую-нибудь непонятную железку и всё. Он готов. Сядет за стол, положит находку на газетку и давай вертеть в разные стороны. И калякает рисунки всякие на полях газеты. Вообще, такие люди редкость. Столько всяких несчастеньких кругом – им хоть стейк принеси, хоть бумажник с деньгами – они сожрут и снова несчастны. Потому что не умеют сами ничего делать своими руками. То есть, потребители. А Джон не потребитель. Вот в этом разница.

Я позвал его разобрать чердак.

Пока дед был жив, он мне под страхом смертной казни

запрещал лазить на чердак. Я догадывался, что там хранятся какие-то несусветные сокровища. Страшно хотелось на эти сокровища глянуть хоть одним глазком. И я, конечно, лазил и рылся – но по-быстрому, пока деда дома нет. А дед был дома почти всегда, отлучался редко. Так, на почту за пенсией, или газету купить и табаку. За остальными продуктами посылал обычно меня. Напишет список на обрывке бумаги синим химическим карандашом – и положит посреди стола в кухне: вот, мол, твой обед. Преврати эти буквы в продукты. И горсть монеток рядом – подсчитано по единого пенни. Не выкroiшь ни на бутылку лимонада, ни на леденцового петушка. Я, кстати, любил этих петушков. А в выходные дед предпочитал быть дома один. Мне выдавался шиллинг на обед и дверь дома для меня захлопывалась. Собственно, делать дома было нечего, так что я воспринимал это как дар божий. В церкви мы бывали редко. Лет до десяти я ходил в воскресную школу, но потом как-то вырুলось, что это стало необязательно.

Поэтому я забирал свой шиллинг, задираю нос и шествовал по главной улице походкой миллионера. Естественно, еду я не покупал. У меня была мечта покруче. Мне хотелось прокатиться на автомобиле или на мотоцикле – блин, до чего меня тянуло к этим блестящим штукам! И я тащился в паб, где стояли игровые автоматы – и проматывал там свой шиллинг в чистой уверенности, что уж сегодня-то! – сегодня мне точно повезёт. Но шиллинг заканчивался и все мои теории

и хитрые планы не срабатывали. Желудок начинал выть зверем и случалось так, что мы с Джоником воровали еду с прилавков. Потом мы как-то об этом заговорили и пришли к выводу, что гемблинг не для нас. Мы просто повзрослели и поняли, что нам не по пути с жуликами и их лёгкими деньгами. Да и жалко было бедных женщин, торгующих пирожками с утра до ночи. Вообще, женщин всегда было жалко.

И вот мой дед откинулся, и с ним пропали записки на кухонном столе и мой воскресный шиллинг. Естественно, что-то мне перепало от горсовета – ну, там, талоны на питание, помощь со школьной одеждой, по мелочам. Сейчас понимаю, что, если бы я захотел учиться в университете – мне бы, наверное, помогли и с этим. Но тогда было ясно, что нужно работать. И я стал разносить газеты.

А в один из воскресных дней мы с Джоном полезли на чердак. О, там было тесно. Наш дом был старый, уж точно больше двухсот лет – и все эти двести лет откладывались всякими полезными вещами на чердаке дома. Ящик с поломанными игрушками – некоторые я помнил, и помнил, как дед собирался их починить. Но вот, руки не дошли и уже не дойдут.

Вешалка с верхней одеждой. Самодельная этажерка из неполированных досок, грубое временное сооружение, пригодное разве для сарая или чердака. Ну, чердак тут и есть. Этажерка забита картонными коробками – из-под обуви, из-под платья, шляпная коробка, коробка от фарфоровой куклы – и кукла внутри, с отколотым носом и без рук.

Венера Милосская в роскошном шёлковом платье – но руки-то важнее платья, кому нужны твои наряды, безрукая красавица с отколотым носом? Коробка с открытками – курорты, цветы, красавицы и красавцы, лошади, кареты – я забыл о времени, но Джон меня одёрнул:

– Брось ты этот хлам! – конечно, для него всё хлам, кроме железок.

И тут я почувствовал, что замёрз. Нет, не то, чтобы у нас в доме было какое-то отопление, кроме камина, но всё же заметно теплее, чем на улице. А вот на чердаке царил дубак. Я стащил с вешалки чёрный сюртук и залез в него с ушами. Сюртук принадлежал какому-то предку, взрослому высокому мужчине. Джон выудил с вешалки дамский лапсердак с плюшевой оторочкой, надел на себя и кокетливо повернулся ко мне плечом:

– Ай-яй?

Я открыл шляпную коробку, рассчитывая выудить оттуда шляпу с пером, которой можно будет помахать перед носом моей «дамы» – но шляпы не увидел, а только небрежно насыпанные листы бумаги. Я хотел было закрыть коробку, но Джоник опередил меня – его сорочий глаз уловил блеск металла и цепкая лапа вцепилась в этот металл. Кучка телескопических трубок и рамка. Джон присвистнул:

– Знаешь, что это? Это миноискатель.

Вот, когда я говорю, что Джон гений – я именно это и имею в виду, что он гений. Пока я пытался сообразить,

что с этим миноискателем делать, он уже прозрел мою судьбу, соединил в своём воображении точки прямыми линиями и выдал:

– Вот его-то тебе и не хватало.

Когда я говорю: Джон присвистнул, Джон сообразил, Джон сказал – это значит, что одновременно он выудил из какого-то своего кармана сложенную в двадцать раз газетку, расстелил её, разложил на газетке найденные детали, достал откуда-то отвёртку, соединил детали, попробовал включить, разобрал снова, выудил из кармана номер тридцать восемь батареек, вставил их в миноискатель, снова закрутил, снова включил – и вот тут только сказал «Вот его-то тебе и не хватало» – и довольно хрюкнул. Он так смеётся – хрюкнет тихонько – значит, зашёлся от смеха. Редко, вообще, смеётся. Улыбается чаще, но тоже редко.

На этом наш энтузиазм иссяк. Джон включал и выключал миноискатель, тыкал им в разные стороны и восторгался его тихим голосом. Я ему не мешал – то был его час. «Бип-бип» – пел миноискатель. И мы лезли к нему под ногу и находили что-нибудь железненькое. Или медненькое. Миноискатель радовался всем металлам одинаково и ласково мурлыкал каждому гвоздику и каждой бусинке своё «Бип-бип». Мы прошарили весь чердак, собрали ящик железок и спустились вниз. Я зажёл камин в гостиной, включил свет и оставил Джона блаженствовать над ящиком с помятым кофейником, сломанным будильником, поломанной заводной лошадкой,

поломанной заводной машинкой, тупыми овечьими ножницами, тупой бритвой, горсткой шестерёнок в коробке из-под спичек, обрезками проводков и ещё каким-то хламом. Пока Джон разбирался в природе этого хлама, я поджарил тосты и дюжину яиц. День удался, можно отпраздновать.

Джон рвался с миноискателем на улицу, но дождь зарядил не на шутку и мы решили подождать. Вместо улицы мы обшарили с миноискателем весь дом, облазили сверху донизу, нашли несколько монет в щелях между половицами, золотую серёжку – чья? Откуда? – и новенькое стальное пёрышко от паркеровской ручки. Я помнил, как искал его, как расстраивался, что придётся снова писать старым тупым пером. И дед расстраивался и даже написал химическим карандашом на своей газете «Растяпа» – и показал мне. А потом купил новое. Я рассказал Джону эту историю. Он понимающе кивнул:

– Да, брат.

В общем, через неделю меня уже звали «этот паренёк с миноискателем». Мой статус вырос невероятно. Братья Вонг сами позвали меня в гараж и позволили там пошариться с условием, что все гайки с болтами – им, а гвозди и другая мелочь – мне. Конечно, ничего золотого или серебрянного я не нашёл, несколько болтиков и гаечек внутри и снаружи возле гаража. Но братья смотрели на меня с уважением.

А потом я нашёл серебрянный пенни с дыркой в том старом сюртуке. Просто вдруг от нечего делать стал прозванивать

стенки и одежду и вот сюртук зазвенел, я отпорол подкладку и увидел монетку с дыркой, аккуратно пришитую к сюртуку серебряными нитками. Я не стал ничего ломать, решил сперва показать Джону. Я же знаю, что для него всякие загадки с железками.

Я не вижу смысла носить что-то в руках, когда можно это нести на себе. Я надел этот свой сюртук, взял миноискатель (я уже без миноискателя из дому и не выходил) и отправился к Джону.

Я, можно сказать, торопился – я почти всегда тороплюсь – но решил сделать крюк и пройти мимо гаража. Когда живёшь в маленьком городишке, где ничего не меняется – новенький гараж становится чем-то вроде пацанячьей Мекки. Естественно, Джоник мог там тоже оказаться. Но его там не было. И я свернул на центральную улицу, руля носом строго в заданном направлении и поводя выключенным миноискателем туда-сюда по недавней своей привычке. Даже если бы что-то попало, – не стану же я выковыривать кирпичи из мостовой среди бела дня, чисто, чтобы достать какой-то гвоздик? То есть, я-то бы, конечно, не поленился, но народ у нас не такой, чтобы с одобрением на это смотреть.

И тут меня остановил мистер Квигли. Ему было тогда, наверное, столько, сколько моему деду – то есть, по моим понятиям, старик. Но он работал в полиции и выглядел вполне себе бодро и уж точно, помирать не собирался.

– Привет, малыш! – говорит мистер Квигли. – А у нас тут

ЧП и я как раз подумал, что надо бы послать за тобой.

Я обалдел. Серьёзно. Ну, представьте: вчера ты мелочь пузатая, сегодня ты «тот паренёк, что копается в мусоре» – а завтра тебе вдруг говорят, что за тобой хотели послать. А это в переводе значит «Очень Важная Персона». Впрочем, если вы не жили в маленьком городке, вы можете не понять. Тогда просто поверьте: событие из ряда вон выходящее.

Короче, ЧП оказалось самое, что ни на есть дурацкое: мэр потерял ключ от нашей новенькой мэрии, то есть, от горсовета.

У нас был очень толковый мэр. Если честно, я думаю, нам просто очень повезло с мэром. Это он убедил попечителей оставить меня под присмотром мистера и миссис Оуэн-Уильямс, родителей моего друга Джона. Он же устраивал разные праздники в городском саду и всякие благотворительные мероприятия. При нём много чего у нас построилось – новая школа, например, и новая библиотека, и даже музей. Ну, и здание горсовета, конечно. Он очень уважал историю. Один из самых образованных людей из всех, кого я встречал. А я встречал всяких людей. У мистера Нелмса был только один недостаток – этот его патриотизм. Жил бы в Лондоне – и он мог сделать себе любую карьеру, о какой только люди мечтают. Но он вернулся в Банбури и занялся благоустройством и развитием родного городка. Скажете, глупо? Но мы с Джоником его за это очень уважали. Да его все уважали, даже те, кто над ним за глаза посмеивался из-за его чрезмер-

но нарядного вида. Мистер Нелмс был редкостный щёголь.

Ну и вот, затанцевался наш мэр в парке на балу и посеял ключ от мэрии. Это смешно, конечно. Но это ещё и странно – потому что ключ от мэрии был частью его костюма и постоянно висел поверх сюртука на алой ленточке. У великих людей всегда свои заскоки.

– Ленточку я нашёл, – сказал мистер Квигли. – Она за розы зацепилась и там висела. Я смотрел под кустом, но ключа там не увидел.

Вот таков мистер Квигли. Он не скажет «ключа там нет» – он скажет «я не увидел». Это профессиональное.

Я сказал мистеру Квигли, что сейчас же пойду в парк и найду ключ, только заскочу за Джоником. А как без него?

Мы сломя голову помчали в парк, крепко сжимая орудия труда: я свой металлоискатель, Джон – лопату. Мистер Квигли был уже там. Он отчего-то растрогался и сказал:

– Зовите меня Рассел.

Мы переглянулись. Нам было весело. Конечно, мы думали, что вот, сейчас только включим искатель – и готово! Вот он ваш ключик, мистер Пиноккио! Но этого не случилось. Зато случилось кое-что похлеще. Я провёл рамкой возле самого первого столбика в парке – того, на котором крепятся ворота – и услышал своё «бип-бип». Я кивнул Джону, тот бодро ткнул лопатой в траву, сказал:

– Да ворота же железные! – вывернул комок дёрна и присел проверить.

И я присел рядом и наши руки смешались в ямке и мы переглянулись. Мы выудили свои находки – у каждого в руке было по золотой монете и снова полезли в ямку, расширяя и углубляя её. Пять золотых соверенов мы там нашли. Спасибо мэру. Мы вернули дёрн на место, заровняли газон и пошли дальше по парку, останавливаясь через каждые пять шагов. И праздник продолжался. Мы снова и снова находили монеты – где одну, где две-три – серебряные, по большей части, но ещё несколько золотых попало. Мы в тот день разбогатели не по-детски. Когда монеты продались и мы получили свою половину – вышло по сто тридцать семь фунтов на брата.

Но ключа мы не нашли.

Мэрия стояла закрытая весь день, благо было воскресенье, но мистер Нелмс топтался весь день на крыльце и расстраивался, что придётся, видимо, ломать новенькую дубовую дверь и менять замок. Мы возвращались домой уже по темноте, светя фонариком. В парке тогда освещение включали только в выходные. Мы вышли за ворота парка, выключили фонарик и направились напрямиком к зданию горсовета. Мы клялись, что встанем с петухами и найдём этот злополучный ключ. Нам было жалко мэра и стыдно, что мы такие счастливые.

Я забыл в тот день рассказать Джону про мой сюртук. Наутро я оделся, как следует, взял свой искатель и потопал напрямиком в парк. Джоник уже был там и, как всегда, у него на-

готовые была теория:

– Надо поспрашивать ребятню – кто-то мог найти ключ и утащить просто, чтобы с ним играть.

Мы пошли к школе. Сами мы в тот день не учились, я вообще забросил школу после смерти деда, Джон изредка появлялся, поддавшись на уговоры матери и побои отца. Но ему там, если честно, было ещё скучнее, чем мне.

Но в тот день у нас было хорошее оправдание для прогула – мы выполняли поручение городской администрации. Кроме того, мы вчера разбогатели – и уже вышла статья в местной газете о нас, когда только газетчики всё успевают узнать? В общем, мы ждали перемены, чтобы поспрашивать ребятню, а сами тем временем включили бип-бип и начали прогуливаться туда-сюда возле школьного здания. И ничего не находили, кроме пуговиц и заколок для волос. Ни одного клада. Клад – это когда сразу несколько золотых или серебряных монет. Я знаю, о чём говорю.

Мы с азартом искали, копали, наклонялись, рылись – а все ученики прилипли к окнам и смотрели на нас. В конце концов, мистер Поп прервал урок и вышел поговорить с нами.

– Вам дико везёт, ребятки, – заметил он. Ребятня облепила нас непроходимым кружком.

– Не так, как вчера, – скромно улыбнулись мы. И Джон спросил:

– Малявки, может, кто-то из вас нашёл вчера или позавчера ключ в парке? Было бы круто вернуть его мистеру Нелм-

су, пока он не взломал дверь мэрии.

Пацаны полезли в карманы, показывая свои сокровища. Ну, вы знаете, что у пацанов в карманах обычно – кстати, и ключи тоже бывают. Девочки переглядывались и хихикали. У двоих оказались на шее ключи на верёвочке рядом с крестиком – но это были ключи от их домов.

Мистер Поп развеселился при виде пацанячьих сокровищ. Ну, там самое ценное, конечно, ножики – то есть, по качеству ножа тебе и уважение среди других пацанов. Я не знаю, какие сейчас ножики в школе, но тогда разнообразие было просто невероятное. Ясное дело, все мечтали о настоящем швейцарском «Викторинксе» – и все ножики ценились в зависимости от степени сходства с викторинксами. Так, я вам скажу, там попадалось такое сходство, как у мыши с носорогом – оба серенькие. Все смеялись. День был солнечный, весна и никаких депрессий. В то время депрессий ещё не было. Жив или помер – и никаких промежуточных состояний. Или это мне так казалось.

Я, кстати, сделал себе свой первый ножик сам. Заточил обломок ножовочного полотна, просверлил дырки, выстругал кухонным ножом деревянные плашки для ручек – всё как надо. Мне было восемь лет. Джон свой нож сделал в семь, но кто считает.

Мы разложили самодельные ножи рядком на земле и стали присваивать им ранги: «матрос», «мичман» – в зависимости от качества ножика. Некоторые были весьма толково

сделаны – мы дали двум ножам «адмирала», не стовариваясь. Эти ножики сделал, как мы узнали, Чарли Рамсделл – он был старше нас на год и всё мечтал о море. Тоже, редко появлялся в школе, вечно где-то пропадал.

Мы все крутили головами, в надежде увидеть Чарли и отдать должное его мастерству. Разинули рты, как вороны, и прошляпили один из чарлиных ножей. Откуда-то между ног ребятни выскочила сорока, схватила блестящее лезвие и взмыла на крышу школы.

Джон присвистнул:

– Неужели та же самая? О-о...

– Какая та же самая?

– Которая твой шиллинг стырила.

Но я не помнил чтобы сорока тырила мой шиллинг. Джон хлопнул меня по плечу:

– Ну-ну!

И мы полезли по пожарной лестнице на крышу.

В общем, мы полдня гонялись за этой сорокой, и выследили её гнездо в парке – и выгребли из гнезда кучу сокровищ: разные пуговицы, заколки, маленькую рулетку, две серебряных ложечки, генеральский нож Чарли Рамсделла и ключ от мэрии. Нам было весело.

Мы вручили ключ мэру, расшаркались, как умели – и свалили в парк искать сокровища. И ничего не нашли ни в тот день, ни за всю последующую неделю. Азарт, естественно, поутих и мы стали искать, чем бы ещё заняться. То есть:

где бы ещё поискать сокровища?

Джон сказал:

– Слушай, нафиг мы складываем все эти пуговицы и заколки? Надо их кому-нибудь отдать, девчонкам каким-нибудь.

У нас уже накопилось изрядно этого хлама в жестяной коробке из-под печенья. Мы взяли коробку и потопали в магазин к Мэгги Бенджамин. Она принимала от нас пустые бутылки и пуговицы. Ну, за полпенни, за фартинг – но тоже хлеб. Она сказала:

– Два шиллинга за всю коробку, не торгуясь. – и мы ударили по рукам.

Мэгги была классная. Она была, пожалуй, постарше миссис Оуэн-Уильямс, но не такая серьёзная, что ли? Или не такая занудная (тсс, пока Джон не слышит). В общем, как-то она у нас вызывала больше доверия, чем многие взрослые тётеньки.

И Мэгги нам говорит:

– Что, не знаете, куда с вашим миноискателем ткнуться? А он на что у вас тьякает? На деньги только или на любой металл?

– На любой, ясное дело. Откуда бы мы эти заколки взяли?

– Тогда вам заказ. Мне недавно написала кузина из Америки – вы же помните Мэри Элизабет? Она приезжала прошлым летом. Так у неё муж собирает бутылочные крышки. В общем-то, придурок, наверно, но лучше, чем полные бу-

тылки, да? – Мэгги хмыкнула. – Соберите мне с полдюжины разных крышек, я их pošлю ему на рождество. Дёшево и сердито, как говорится. У них там по-любому наших крышек нету.

Ну вот, не смешно ли? Я, конечно, продолжал разносить свои газеты, хоть и разбогател уже. Но я денежки положил в банк до лучших времён. Мы с Джоном договорились купить подержанный Триумф Родстер и вылизать его до полного блеска – вот такие мы были шикарные ребята. Да ладно, если честно, Триумф Родстер – он и сейчас всё тот же Триумф, и время показало, насколько мы были правы. Впрочем, Родстера мы так и не купили. Мы купили Воксхол Десятку и лет пять ещё он считался у нас общим, пока Джон не предложил мне выкупить его половину – он тогда собирался жениться и хотел купить два одинаковых мотоцикла для себя и для Тамзин, его тогдашней невесты.

В общем, работа нам была нужна и мы согласились поискать бутылочные крышки. Кто покупал в то время пиво в бутылках? – только богачи. Надо тебе пива – ты идёшь на ферму или в паб с канистрой – и берёшь столько, сколько в твою канистру влезет. Или эль, или сидр, или, не знаю, лимонад, что ли. Нет, сидр и лимонад мы делали дома сами. Ну, кока-кола была ещё в бутылках. Опять же только богачи её покупали. Мы поняли, что надо идти на пляж и там искать. А где больше?

Поскольку было ещё прохладно, а на пляже всегда вет-

рено, я надел свой старый сюртук и мы пошли спозаранку. И нам снова попёрло. Десять серебряных шиллингов, три золотых соверена, гинея, серебряные шестипенсовики с портретом бабушки Виктории, один золотой пятифунтовик короля Георга Четвёртого и крохотный обшитый кожей сундучок с золотыми дублонами. Да, это был денёк. Мы даже вспотели. Я снял свой сюртук, Джон скинул куртку, мы оставили одежду подальше от прибоя, придавив для верности несколькими булыжниками. Мы съели свои бутерброды, взятые из дома и отправились дальше. И всё. Ничего мы больше не нашли. То есть, нашли какие-то крышки, нашли серебряный крестик и оловянную серёжку. Нашли в разных местах мелочь, общей суммой на восемь с половиной пенсов – но везуха закончилась. Кстати, крышек было ровно шесть, но пять из них были от эля «Спитфайр», так что заказ Мэгги мы не выполнили.

Мы побродили так до длинных теней и решили возвращаться. Присели на камни рядом со своей одеждой, переосмотреть находки. Восторг поулег, вместо жёсткого трескучего пламени превратился в уютные тлеющие угольки. Я потянулся за сюртуком, нашарил в кармане кусок хлеба, разломил и протянул половину Джону.

– Что это за пуговица на изнанке? – спросил Джон.

А я совсем забыл про этот дырявый пенни. Я молча передал сюртук Джонику, он засунул весь хлеб себе в рот и начал обнюхивать ткань.

– Ну и ну. Похоже на вышивку серебряной нитью, но почему с изнанки? – Он залез в рукава, серебряная паутина была и там. – Вообще без идей, – Джон удивился сам себе. Не бывает ведь, чтобы у Джона – и вдруг не было ни одной идеи. – Ты, это... не отрывай этот пенни, – сказал Джон. – И нитки не отпарывай. Мало ли.

И отдал мне сюртук. Стало прохладно. Мы оделись и пошли по домам.

Назавтра Джон решил поставить эксперимент. Я надевал сюртук и ходил с миноискателем по двору своего дома. Миноискатель пел своё «Бип-бип» – я находил клады. Причём, я находил на одном месте по нескольку кладов – с перерывом в несколько минут.. Потом я снимал сюртук и снова ходил по двору с миноискателем и не находил ни фига. И снова надевал – и снова находил.

Обедать мы пошли к Джону. Погода была отличная, мы вышли с бутербродами во двор и

присели на самодельную скамейку, вырубленную когда-то ещё дедом мистера Оуэн-Уильямса из старого дуба и задумались. находки нас, конечно, радовали, но уже любопытство мучило больше всякой жадности: что к чему? При чём здесь сюртук? Как оно так работает? Мы перебрасывались репликами, Джон поел и стал крутить в руках какие-то железки – ему так проще думать. Потом надел мой сюртук и взял миноискатель:

– Дай-ка я попробую.

И он попробовал – и прямо в проходе калитки нашёл семь золотых гиней короля Георга Второго. Джон не успокоился и пошёл, изображая быка на корриде, прямо на меня (я сидел на скамейке).

Искатель запел самое нежное своё «Биииип-бииип!» – и мы бросились копать совочками наперегонки. И мы нашли. Прямо под скамейкой. Не просто клад. Настоящее сокровище. Золотые пиастры, гульдены, рубли, драхмы – чего там только не было! Мы смеялись от радости, подбрасывали монетки, пробовали их на зуб – золото!

Потихоньку мы успокоились. Я продолжал играть монетками, а Джон внезапно впал в задумчивость.

И вдруг он спросил:

– А ты не знаешь, откуда здесь это бревно? – и показал на вот эту самую скамью.

Я обалдел:

– Ты, это, юмор, что ли, шутишь?

– Не, ну серьёзно. Я что-то не помню, чтоб эта штука тут была.

Я посмотрел в его лицо – ни грамма усмешки, серьёзный, как мёртвая рыба.

– Джон. Эту скамейку сделал дед твоего отца. Тут во дворе рос дуб, твой прадед спилил его и сделал эту скамейку. И она всегда тут была. Мы с тобой всегда тут сидели и ты всегда знал, что эту скамейку сделал ещё дед твоего отца.

У Джона челюсть отпала:

– Ты гонишь?

То есть, он честно забыл про эту скамейку и про своего прадеда. Ну, он, конечно, мог меня разыгрывать, поэтому я сказал:

– Гоню. Эту скамейку мы с тобой позавчера весь день мастерили.

– Позавчера мы ходили с миноискателем.

– Ну, на прошлой неделе.

– На прошлой неделе мы тоже ходили с миноискателем.

– Джоник, хорош придуриваться. Несмешно.

Он опустил глаза, уставился на скамейку, будто впервые её видит. Потом перевёл взгляд на калитку:

– А калитка здесь с каких пор?

Ну, я важно так, как учитель в классе, рассказал ему, как они с отцом мастерили эту калитку три года назад.

– Отца помню, калитку не помню... – задумчиво пробормотал Джон. Было видно, что он и вправду пытается что-то вспомнить – но что именно? В общем, какое-то у него настроение стало... романтическое, что ли.

Я накинул сюртук и взялся за миноискатель. Джон схватил меня за руку:

– Стой. У меня есть одна идея. Снимай пиджак.

Я снял.

Идея Джона была в том, чтобы идти в город и спрашивать всех, что они помнят про парк и про пляж. И Джон оказался прав: люди вспоминали истории, которые во мне никак

не отзывались. Джон смотрел на меня с возрастающим беспокойством:

– И ты не помнишь, как мы строили шалаш на том берегу пруда? И как прятались под скамейкой, не помнишь? И как ты набрал полное ведро крабов в отлив – ты серьёзно, не помнишь?

Я, серьёзно, не помнил. И мне становилось всё больше не по себе.

Мы много об этом говорили и решили, что всё дело в сюртуке. Что вот эти нитки каким-то образом превращают наши воспоминания в золото и серебро. И чем дороже воспоминания, тем, естественно, дороже монеты. И никогда уже Джону не вспомнить, как он мастерил с отцом калитку и прадеда своего не вспомнить и много чего другого – а чего именно? – тоже не вспомнить. И мне не вспомнить чего-то, не помню чего именно.

Джон сказал:

– Я расскажу тебе всё, что помню. А ты мне ещё раз расскажи про скамейку.

Мы расстались поздно, но я никак не мог заснуть. Всё думал, думал. Я решил ещё походить по городу, накопать себе денег и уехать в Египет. Вот где настоящие сокровища!

Следующие две недели я бродил ночами и спал днём. Джон приходил ко мне каждый день, пытался разбудить, пытался поговорить – но меня переклинило. Через две недели я проснулся днём оттого, что в комнате кто-то был. Примерно

моего возраста, веснушчатый паренёк с буйным чубом. Он не вызывал никаких опасений, так что я просто спросил:

– Ты кто?

Он скривился, будто откусил сразу поллимона – и заплакал.

Мне показалось невежливым лежать, когда человеку плохо и я привстал на локте:

– Парень, с тобой всё в порядке?

– Ты правда не знаешь, кто я?

– С чего я должен вдруг тебя знать?

И тут он спросил:

– А ты кто?

И я задумался. Я так задумался, что аж вскочил с постели. Нет, правда – я не мог вспомнить своего имени, хоть убей! Мне стало не по себе. Я напряг мозги – но извилины оставались гладкими, как вода в Саргассовом море – никакой ветерок не наполнял паруса моих мыслей. Я испугался. Я ударил кулаком о стену, я укусил себя за палец – ничего не помогало. Я стал биться о стену головой – но тщетно: имя моё не возникало в памяти.

Незнакомец схватил меня железной хваткой в объятия:

– Тсс... успокойся, Джеф. Я Джон, твой лучший друг.

Вспомни меня.

И он не замолкал, он рассказывал что-то про нашу дружбу, про то, как мы играли вместе, про то, как делали наши первые ножики. Он рассказывал, что я люблю бутерброд

с тунцом, а он предпочитает курицу. Рассказывал, как мы менялись бутербродами. Рассказывал, как мы учились курить, как прятались в лесу, как строили шалаши. Он не замолкал ни на секунду, быстро-быстро говорил, говорил – и я затаил и впитывал каждое его слово.

Джон создал меня заново – так я это ощущаю. Всё, что я о себе знаю – я узнал от Джона.

Я хотел сжечь сюртук, но Джон мне не дал. Сказал:

– Я и так слишком многое забыл. Я не хочу забыть ещё и этот сюртук.

Так что я просто отдал его Джону и там он висит в шкафу наверху, в бывшей спальне его родителей. И каждый раз, когда я бываю у Джона, мы идём наверх, открываем шкаф и пытаемся вспомнить, что же мы ещё забыли?

И, чтобы избавиться от этого чувства, Джон рассказывает мне обо всём барахле, что скопилось в доме за годы – он ничего не выбрасывает, всё хранит и обо всём помнит. Он очень умный человек, мой друг Джон. Он мне сказал:

– Знаешь, парень, никакие сокровища мира не стоят нашей с тобой памяти, нашей дружбы, наших родных. Наша память – это ведь мы и есть.

И всё равно, каждый раз, приезжая, я удивляюсь, что он – вот снова – меня узнал. Я ведь его не узнаю. Всё, что я помню – это та старая прадедовская скамья из целого дуба. Каждый раз, приезжая в Банбури, я блуждаю по улицам в поисках этой скамьи. И успокаиваюсь, только когда нахожу её. Я

вхожу в калитку и сажусь на эту скамью. И приходит незнакомец, всегда приходит – и начинает рассказывать мне обо мне и о себе. И я начинаю вспоминать себя и его – или придумываю нас заново.

Мы сидим рядом и курим, и Джон рассказывает мне о городе и о нашем детстве. Потом ведёт наверх и показывает этот проклятый сюртук. И останавливает меня, когда я пытаюсь включить свой миноискатель.

Или вот этот мой рассказ... Я не уверен, что помню это. Я даже не уверен, что помню себя в этой истории. Но, когда рассказываю – я всегда вплетаю в свой рассказ Джона. Он помнит меня, он рассказывает мне обо мне – и я придумываю его каждый раз заново. Потому что без этой памяти – его обо мне – есть ли я? А Джон говорит, что без моих воспоминаний о нём он был бы уже не он, а кто-то другой.

Практика относительности

Алексей Жарков

В лифте Степан перевел часы. На нужном этаже нахмурился, поправил рюкзак и бесшумной, упругой походкой устремился к столу. Напротив секретарши сунул руки в пустые карманы и принялся шарить там, как безбилетник при виде контролера. Катюша ухмыльнулась и покачала головой.

Офис уже звенел телефонами, кликал мышками, щелкал клавишами и шелестел голосами сотрудников. Над царившей какофонией громыхал и рычал басом охрипший голос начальника. Кто-то уже собирался на обед и ходил между столами, разминая руки и противно хрустя пальцами. Увидев шефа, раздающего указания совсем рядом с его предательски пустым креслом, Стёпа незаметно побледнел.

– Кузёкин?! – босс расплылся в ехидной улыбке и демонстративно посмотрел на цифры, подняв со стола фиолетового ежа с часами, встроенными в раздутое пузо. – Что-то ты рано сегодня.

– Ааа... щас... – Стёпа вынул мобильник, изобразил нечаянное удивление и повернул экран к шефу.

– Что, опять скажешь засосало?

– Ну да, похоже на то. Экология в городе такая... аномалии повсюду. Это ж, Петр Григорьевич, как повезет... может

у меня стационарный засос по дороге где-то образовался... у меня вот друг, знаете, пока не просек, что засос в лифте... целую неделю ровно на сорок пять минут опаздывал. Представляете? А сейчас у них весь подъезд пешком ходит, по лестнице. А если этаж сороковой, бабульки там разные, это же...

– Кузёкин! Может тебе выходить раньше?

– Куда же раньше, Петр Григорьевич? Так рано автобусы не ходят и метро закрыто.

Босс нахмурился и засопел.

– Но я могу из дома работать... фрилансером...

– Еще чего, Кузёкин, так мы от тебя вообще ничего не получим. Лучше сразу в бухгалтерию за обходным, – ухмыльнулся шеф. – Задержишься.

– Конечно. Не вопрос.

Кузёкин числился разработчиком приложений для сайта компании и свою работу не любил. Она угнетала Степана беспросветностью. Ничего не удавалось толком доделать. Окончание одного неминуемо вызывало начало чего-то другого. Иногда его даже мучил сон, где комаром жужжала назойливая потребность дописать программу и сбросить с себя тяжелую плиту обязательства и ответственности. Закончить, расквитаться, успокоиться. Тогда он просыпался и силился внушить себе, что это только сон, у него нет недописанных программ, утром он обязательно всё доделает, а сей-

час ночь и надо спать. Но это помогало слабо и редко. Нельзя доделать сайт, нельзя закончить программу, нельзя заснуть – кошмар заканчивался только под утро. Сон побеждал пульсирующий разум лишь на фоне светлеющего окна, когда противный писк будильника тонул в жёлтых лучах, а под теплым одеялом исчезали мысли о рабочем дне, офисе, боссе, всё становилось далёким, чужим и ненужным.

Проспав, Кузёкин предпочитал выдумывать «засос» даже несмотря на то, что по-настоящему еще ни разу ни в один из них не попадал. Хотя много слышал о «прикольчиках» временных аномалий. Так, один его друг рассказывал, как минутная стрелка уличных часов в сотне метров от него ни с того ни с сего резко ускорила, и пока тот стоял в пробке на развилке и без того безумной Таганской площади, успела крутнуться дважды со скоростью секундомера. Другой товарищ видел, как в облаках за мгновение пронесся самолет пока сам он, вроде бы, тоже не полз, а даже летел куда-то по МКАДу. Еще один знакомый пока переходил улицу на зелёный, оказался свидетелем ускоренной драки. Кулаков не увидел – руки мотались как крылышки колибри, голоса смешные, писклявые. Чтобы врать натуральней, Стёпе требовалось испытать «засос» по-настоящему, на себе, но как-то всё не удавалось.

Тем не менее, объяснять таким образом опоздания оставалось самым эффективным способом избежать серьёзного нагоняя. Почти все этим пользовались. Люди придумывали

себе «засосы» прямо перед подъездом, надёжно отодвигая таким образом начало собственного рабочего дня. Главное в подобном обмане – случайно не проколоться – не ответить на телефон нормальным голосом в то время, когда тебя, якобы засосало. Речь надо замедлять и уводить в бас. Плохо, если рядом оказывались другие звуки: радио, телевизор, трескучая блондинка с телефоном – любой пустяк мог выдать. Как выход – купить вариатор или подключить специальную услугу сотового оператора. Бизнес не брезговал в стремлении угодить клиенту. Плати деньги, выбирай время, и сто-процентная правдоподобность гарантирована.

Другая опасность состояла в том, что в дополнение к надуманному «засосу» всегда существовала возможность попасть в «засос» реальный, и добраться на работу только к вечеру, когда в тёмном и наполовину вымершем офисе бродили одинокие и угрюмые глыбы охранников. К тому же, двойное попадание даже для переполненной Москвы выглядело бы чересчур подозрительным невезением.

По странному стечению обстоятельств, в понедельник количество выявленных сотрудниками «засосов» превышало обычное число в несколько раз. Необъяснимые вспышки возникающих повсюду временных аномалий, настоящий временной катаклизм охватывал почти всю планету во время чемпионатов по футболу, а также других важных знаменательных спортивных или общественных событий.

Степан сел за стол, включил компьютер и принялся вдумчиво читать свежее письмо от шефа. Начальник стоял рядом, заткнув руками карманы брюк и покачиваясь с каблука на носок, словно неустойчивая фарфоровая статуэтка. На этот раз Степан опоздал не потому, что ночные кошмары до рассвета терзали его разум. Нет.

Степан Кузёкин был влюблен.

Они встретились на выставке цветов, куда Кузёкин слинял под предлогом добычи фотографий для восьмимартовского баннера для сайта. Пока Степан поправлял лепестки альстромерии, чтобы та лучше вышла снимке, к нему подошла девушка и спросила название цветочка. Стёпа не знал, выдумал на ходу что-то вроде «квазифукции» или «многоляпси», посмотрел на девушку, она взглянула на него...

Так бывает, что встречаешь человека, и как будто с ним уже знаком целую вечность. Побродив по теплицам и оранжереям, осмотрев и сфотографировав всё, что цвело желтым или красным, они даже не договаривались встретиться снова. Это казалось очевидным. Запросто обменялись номерами – легко, будто старые знакомые внесли друг друга в новые телефоны.

На следующий день они снова встретились и пошли по «не-важно-какой» тропинке, не замечая других пешеходов и забыв про время. Уже вечером, когда они вернулись каждый в свой дом, на обоих навалилась тоска. Быть вместе оказалось таким естественным, единственное ради чего сто-

ило жить.

Вот тогда мир и окрасился в новые цвета. Работа, которая и раньше не особо интересовала Степана, заняла такое далёкое от реальности место, что в расчет принималась, только если напоминала о себе раскатистым басом шефа. Уже месяц Степан не ходил – он летал. Парил над людьми, поражаясь бессмысленности их существования и никчемности странных потребностей. Ничего не имело больше смысла, чем Она – Настя.

Сегодня, после работы, Степан собирался встретиться с Настей на Манежной и погулять по центру. Мимо Большого, по холмам Китай-города, к спрятанным в кривых улочках домикам старой Москвы. Идея хоть и представлялась на первый взгляд сомнительной – в центре полно машин – зато воздух свежий, потому что бензиновые туда не пускают. Из-за чего, впрочем, «засосы» случались там намного чаще обычного. Однако, попадание во временную ловушку вдвоем казалось Стёпе невероятно романтичным и в известном смысле желанным.

Настя ездила навещать бабулю и утром собиралась вернуться из деревни, но он снова проспал будильник, а потом долго ехал, и долго сидел на галерах под кнутом босса. Вечером они не встретились, она не пришла.

Когда он, наконец, позвонил – абонент оказался недоступен. Дома у неё никто не подходил, а с родителями он не был

настолько знаком, чтобы обменяться мобильными номерами. Конечно, они его номер знали. Это он – не знал их.

Вытерпев еще около часа и разозлившись, Степан отправился к Насте домой. Там оказалось тихо и безлюдно. Постояв перед черной, обитой широкими ремнями дверью, покатавшись на расписном лифте и покрутившись у дома, он купил пива и отправился к себе. Ночью не спал. «Что могло случиться? Может что-то в деревне? Или по дороге они попали в этот чертов засос?»

Едва дождавшись утра, Степан снова позвонил. Подошел отец.

– Здравствуйте, это Степан...

– Стёпа, знаешь... – голос отца звучал необычно.

Степан притих. Дрожь прошла по телу, в голове пронеслось самое страшное.

– Знаешь Стёпа, лучше приезжай, – выдавил отец.

– Что случилось?

– Жду.

Настя не попала под машину, не разбилась на самолете и вообще не погибла. Нет. Случилась другая неприятность. Она угодила в какую-то феноменальную, сверхглубокую временную яму.

– Насколько глубокую? – спросил Степан, рассчитывая через пару дней, ну максимум через месяц, снова встретиться.

– Пару сотен лет. Они померили там что-то, посчитали,

говорят, раньше с таким не сталкивались.

«Сотен лет». В голове у Степана зашумело. Он не слышал уже ни про полицию и хронологов с их измерениями. Ни про то, что они могли, конечно, ошибиться, и у них, вообще, «хрен что поймешь». Ни про место, которое обнесли, потому что оно «чрезвычайно опасно».

– Где это?! – перебил Настиного отца Стёпа.

Тот внимательно посмотрел на мальчишку и всё понял.

– Клинский район, деревня Толстяково, дом 23, дальше спросишь – местные покажут. Там сейчас полиция, машины...

– Спасибо.

Степан вышел из дома. Как в тумане пронесся перед ним разговор по телефону с недовольным боссом, дорога до дома, сбор вещей, отлов такси и путь до места.

В деревне оказалось свежо и тихо. От шоссе пришлось добираться пешком, никто не ехал, никто не подвёз. Дачники разъехались и дома стояли пустые.

Подойдя вместе с хронологом к опушке леса, Степан увидел Настю. Она сидела на короткой деревянной скамеечке и держала в руке травинку. Неподвижная, как памятник. Задумчиво смотрела в лес. Казалось, хлопни в ладоши, позови её, и она вздрогнет, моргнёт, улыбнётся. Но нет, даже очень сильному ветру не удалось бы сдвинуть и волосинки на её каштановой голове.

– Это вот радиус пятна, – объяснил хронолог, остановившись перед черно-желтой полосатой лентой, натянутую по вбитым вокруг Насти кольшкам. – Границы достаточно резкие, удивительно, как случилось, что она в самом центре. Есть мнение, что аномалия появилась здесь вместе с девушкой.

– Сосед нашел, – сообщил усатый полицейский, кивнув на старичка с вонючей самокруткой. Тот отдал честь дрожащей рукой и расплылся в беззубой улыбке. Хронолог брезгливо хмыкнул и продолжил:

– Замеры показали хронологическое отставание на двести семьдесят лет. Погрешность измерений пять процентов, при таком большом значении даёт ошибку в тринадцать с половиной лет.

Степану не знал, что делать, он смотрел как замороженный на любимую Настюшу, обнимал её глазами, вспоминал милый голос, хотел прикоснуться, взять за руки, разбудить, сказать: «Что ты тут сидишь, тебя уже дома заждались... папа, мама, и я тоже очень жду и скучаю. Пойдем!»

Но она не встанет и не пойдет. Она будет сидеть так очень долго. Очень. Он успеет состариться и умереть раз пять, прежде чем она выберется оттуда. А сейчас она сидит и не догадывается, что вокруг со страшной скоростью проносятся целые недели. Год за минуту. А может она это и видит, но сделать ничего не может.

– А если ей руку протянуть? – спросил Степан.

– Не дотянешься... Рука будет уменьшаться в длине. Вечером, говорят, дождь был, вон видишь трава еще сырая, а вокруг неё всё сухо. Так вот я к чему? Ты даже до капель не дотянешься. – Хронолог взял с земли сухую палку и аккуратно протянул через ограждение. Палка стала укорачиваться с ближнего к Насте края, сжимаясь как пружина. А когда тот одернул руку —приобрела прежнюю длину.

– Как это? – изумленно спросил Степан.

– А так. Пространство-время вокруг нее сильно растянуто. При приближении к ней, вещам требуется больше времени чтобы его преодолеть. А со стороны это выглядит, будто они сплюсциваются. Так, что ты никогда не увидишь, как что-то к ней приблизится или коснётся. Потому что время для нас и для нее течет теперь по-разному... Вчерашний дождь, кстати, всё еще находится по пути к её волосам. Это и всякие такие другие события, происходящие вокруг неё – дождь, ветер, снег – ложатся в... такие сферы, как бы. Мы из зовём – «сферы событий». Они окутывают её туманом реальности, будущей для неё, но уже прошлой для нас. – Хронолог заглянул в глаза Степана, почесал затылок и вздохнул. – Короче это... всё в мире относительно.

– А как же свет, ведь я вижу её, значит свет доходит и отражается. Он же не ложится в эти сферы.

– Ха! Еще как ложится! Но только для нее, а не для тебя. Это, друг мой, теория относительности, свет не может перемещаться медленнее или быстрее – его скорость посто-

янна, только положение относительно. В институте учился? Физика, теория относительности была у вас? Ну вот... сейчас проходим практику. И кстати – хорошо еще, что можешь смотреть на нее. Она жива и по нашему времени умрет я думаю, очень нескоро. Хотя... Есть вероятность, что аномалия рассосется...

– А я могу к ней подойти? – разлепляя пересохшие губы, спросил Степан.

– Конечно! – весело отозвался хронолог. – Но лично я не советую... потому что вернешься ты, когда ни меня, ни друзей твоих уже не будет... мы вымрем, как мамонты, потому что ты зависнешь в этой яме точно так же, как она.

– А сколько времени до неё идти?

– Ну... время относительно, ты слышишь, о чем мы тут говорим? Ты будешь идти примерно столько же, сколько прошло с момента её попадания в аномалию. Туда, обратно, умножь на два. Вот только ни я, ни друзья твои, ни дети детей твоих детей... никто из тех, кто будет жить в ближайшие несколько веков тебя не дожждётся. Да и вообще, кстати, не факт, что она вообще тут окажется... может, уйдёт... очень может быть, что уйдёт... если уже не ушла, что же ей тут сидеть?

– Куда уйдёт? Она же сидит!

Хронолог недовольно нахмурился.

– Сидит? Это она для тебя сидит, а на самом деле уже наверняка ушла. И куда же ей идти? Хм... дай подумать...

Может домой? – хронолог пнул камушек в сторону аномалии и тот застыл над травой, сжавшись в тонкий диск. – Ладно... Короче это... не забывай, что она сейчас тоже живет, только весь её мир, если смотреть со стороны, укладывается сейчас вот в эти несколько метров.

– Может, она уже вышла?

– Может и вышла. Нет, не вышла! Выйдет. Лет через двести-триста точно узнаем. Стульчик принести?

– Чего-то я совсем запутался. Я могу сейчас до нее дойти?

Хронограф покраснел, сделал глубокий вдох и поднёс руку ко лбу.

– Да, только по мере приближения она будет удаляться, а потом тебе придется искать её уже в том времени, где ты окажешься. В каком-то там черт знает каком далёком будущем... Может вы с ней и местами поменяетесь..., – задумчиво сказал хронолог, потер переносицу и добавил, – короче это... лучше выкинь из головы, лично я не советую. С временными аномалиями шутики чреватые, знаешь ли, а с этой... эту вообще надо трёхметровым забором отгородить, пока на неё все местные дачники не налипли. Что-то я такого ни разу не припомню... бывали на неделю провалы... в Эстонии, знаю, был на год. Но с теми и так всё ясно. А тут, по приборам два с половиной века. Так что придется принимать меры по пресечению доступа и всё такое.

Невероятное смятение охватило Степана. Как могло такое случиться, как такое может быть? Почему тропинка к На-

сте не сплющена, а веточка сплющивается, почему она могла уйти, но не ушла? И вообще, как она могла уйти, если она сидит? Почему он может поменяться с ней местами? Как ей там сейчас и что она делает?

На эти вопросы не находились ответы. Единственный вопрос, ответ на который он знал наверняка, ответ единственный и несомненный, ответ, который заставит плакать маму, вертеть у виска друзей и презрительно ухмыляться секретаря вместе с его драгоценным боссом...

Надо торопиться, минута здесь – это минута там.

Собрав дома необходимое, и закупив в магазине продукты на неделю, Степан вернулся Толстяково. Там уже ждал хронолог. Степан узнал, что его зовут Филипп и уговорил разрешить проникновение во временную аномалии. Хронолог прикинул, что такой опыт потянет на диссертацию и, взяв со Степана придуманные на ходу расписки, подобрел и согласился. Филипп подготовил оборудование, договорился со своим руководством и урегулировал вопрос с правоохранительными органами. Осталось только выдать последние инструкции:

– Смотри, когда дойдешь до девушки, её там, скорее всего, уже не будет – она не стала бы три дня сидеть на одном месте, согласен? Ты дойдешь до скамейки и сразу же, без соплей иди дальше. Еды накупил?

– Да.

– На неделю?

– Да.

– Уверен, что хватит?

– Да.

– Тебе идти минимум неделю. По дороге, скорее всего, будут всякие разные аномалии. Мы сейчас не знаем какие именно, но поверь мне, они будут. Я постараюсь зарядить тут всех на мониторинг, так что, может быть, когда выйдешь тебя кто-то из наших и встретит... Но, сам понимаешь, если за это время ядерной войны не стрясётся, или эпидемия какого-нибудь кошачьего гриппа не выкосит всех сердобольных... вот... за сто лет люди в космос вышли, а ты на пять отчаливаешь! Короче это... сможешь её догнать, если сразу же двинешь назад... ну то есть вперед... ну ты понял. Когда вернешься будет уже будущее. Хм... это же как машина времени. – Филипп нервничал и торопился, на ходу вываливая, всё, что приходило на ум.

Степан стремительно приближался к огороженному участку, за которым смотрела в лес его Настюша.

– Ну, с богом, – Филипп хлопнул Степана по плечу.

– Спасибо, – отозвался Степан и, шагнув во временную яму, сделался тонким как бумажный лист.

– О! Круто! – выкрикнул Филипп ассистенту. – Ты снимаешь?

– Д-да не я один, – отозвался тот хриплым басом, – камер по п-периметру, мама не г-горюй.

– Отлично! – потёр руки Филипп. – Надо бы здесь стену...

* * *

Степан сделал шаг и обомлел. Всё вокруг вытянулось так, что и не узнать, чем оно на самом деле являлось. Травинки сделались длиной по двести, а то и все триста метров. Палочка, которая лежала под ногами растянулась в настоящую дорогу. Дерево, которое росло рядом с Настей, улетело вместе со скамейкой и Настей едва ли не за горизонт. «Вот сейчас пройду пару травин и съем пирожок», – пошутил Степан. – «К утру, глядишь и палочку пройду». Он посмотрел на небо. На глазах солнце село, стало темно, а через пару минут зажегся рассвет. Тут Стёпа понял, что надо торопиться.

Шлось, несмотря ни на что, довольно легко. Чем дальше, тем быстрее двигалось солнце, пока, наконец, не превратилось в золотую полоску на темноватом небе, где тускло мерцали планеты. Если присмотреться, можно было заметить, как они движутся. Одни быстрее, другие чуть медленнее. Внезапно появилась высокая кирпичная стена. Мгновенно, как будто её волшебным образом кто-то взял и наколдовал. «Филипп, наверно», – решил Степан, но затем подумал, что Филипп, наверное, давно уже умер.

На третий день протяженность травинок и палочек стала уменьшаться. Дерево заметно приблизилось. «Странная картина», – думал Степан, перекусывая тушенкой во время привала. «Стену видно нормально, а дерево далеко. Вроде

ведь оно ближе чем стена, но стену видно хорошо, хотя она намного дальше, а это дерево черти-где, хотя близко».

Еще через день он дошел до скамейки, на которой, конечно же, Насти не оказалось. Потрогал место. «Даже не теплое». Присел и окинул взглядом стену вокруг. Всё вроде выпрямилось, приобрело свои нормальные размеры.

Три дня непрерывного похода утомили Степана. Рюкзак заметно полегчал, а путь до скамейки различался по искаженным оберткам и объедкам, лежавшими совсем рядом друг с другом. «Хм... а вот где я первый раз позавтракал, три дня назад», – подумал Степан, высмотрев в остатках недалеко от стены банку тушенки толщиной не больше миллиметра.

Он пошел в сторону двери в стене. И снова всё начало вытягиваться. Только на этот раз как будто наоборот. Дверь в стене уже вроде близко, но еще очень далеко. Вместе со стеной она старела прямо на глазах. Некоторые кирпичи выпали и в образовавшихся пробоинах начало мигать что-то зеленое. «Трава наверное. То вырастет, то сойдёт», – решил Степан, догадываясь, что каждая такая вспышка зелени – это три летних месяца.

Еще через три дня путь его закончился – он стоял рядом с дверью. Солнце снова висело, а не прыгало. Вокруг – снег и зима. «Спасибо тебе, Филипп, за шапочку. Схожу на твою могилку», – подумал Степан, вынимая из рюкзака тёплую шапку.

Ржавая дверь держалась на петлях весьма криво, а стена напоминала развалины нормандского замка, с рваными, присыпанными снежным пеплом пробоинами. Не без труда открыв вросшую в землю дверь, Степан шагнул в будущее.

Внешне ничего не изменилось. Только всё поле до деревни покрывал слепящий снег, а ноги утопали в глубоких, едва ли не по пояс сугробах. Вдрызг промокнув, Степан настойчиво шел в сторону дома двадцать три. В голове пронеслись сцены встречи с Настей: он расскажет ей, как шел, а она – как ждала. Они обнимутся, скажут друг другу что-нибудь доброе...

Дойдя до деревни, Стёпа ужаснулся тому, как сильно всё изменилось. Домов не оказалось вообще. Вместо них торчали какие-то странные бугры. Подойдя ближе, он разглядел дверь и на ней странный символ. «Инопланетяне захватили», – мелькнула догадка.

Постучался.

Дверь открыл низенький, горбатый старичок.

– Что такое?

– Здравствуйте, я пришел... эээ..., – мысли путались и язык неожиданно прилип к зубам.

– Из стены что ли?!

Степан кивнул.

– Ой боже ты мой, батюшки родимые, Фёкла, ты глянь! Этот, из стены пришел, ты глянь! И точно, оно самую. А мы ходили, смотрели на тебо! Пацаны еще сопливые, а ходили...

смотрели. А ты вон гляньк, пришел, а мы думали уж, что и не дождемся... Звать то тебя как?

– Стёпа.

Откуда-то снизу прибежала старушка.

– Мне бы узнать, – дрожащим голосом сказал Степан. – Я, вообще, девушку ищу.

– Ну да, девушку, ах ты молодежь, ах молодежь, конечно девушку, кто бы сомневался... Ты заходи. Я тебя всё расскажу... и про девушку твою, и вообще... согреешься, заходи, – дед отступил, поманив рукой.

Николай зашел. В землянке оказалось чисто, сухо и уютно.

– А какой тут уже год? – спросил Стёпа.

– Тебе-то зачем? Ишь, ты, год ему подавай. Само-то из какого?

Степан ответил.

– Так вот полтыщи лет уж прошло. Плох я стал на счет, да тебе и этого хватит. Пол тыщи лет... – старик нахмурился, – с купейками. Еще дед моё, говорил, что ты прийти вот-вот должен, а ты чего-то запоздал. Мы уж и не чаяли. Отец моё видел твоё последний привал... Ты всю его молодость одну банку тушенки ел. Ай-я. Мы ходили смотрели...

– Мне бы Настю, как-то... увидеть.

– Ты садись, не торопись, – крикнул старик. – Сейчас чайку попьешь горяченького.

Фёкла принесла горячий чай, пирожков и что-то фиоле-

товое и светящееся, похожее на варенье.

– Угощайся, милок, чаёк, пирожочки. Давай, не стесняйся, шел-то пятьсот лет, небось и соскучился по домашнему-то, а? – угощала бабулька.

– Пятьсот лет, – повторил Стёпа.

– Ну вот. Ты поешь, отдохни, а потом и про дефчоночку твою расскажу, царствие её небесное.

Степан вздрогнул, кровь застыла в жилах, чашка в руках дёрнулась и пролилась.

– Ой, старый пень, что ж я сразу то, ай-а, дурак. Ты не волнуйся, я покажу. Оно ждала тебя. Жила тут у нас, в деревне, всё думала, ты скоро выберешься. Я тебе дом её покажу. Ты не нервничай. На том жизнь не кончается. Оно ж от старости померла, бедняжка. Так нам её жалко делалось. Всё, говорила, что даже если оно старше будет, как мать тебя любить станет. Такая любовь! Эх... бывает же еще. Каких-то лет сорок не дождалась.

Степан поставил чашку и заревел. Столько времени, столько мыслей. Столько раз, он разговаривал с ней, пока шел. Рассказывал, как смешно бегают по небу солнце, как нелепо смотрится муравей, вытянутый на триста метров, как он хочет с ней встретиться и что скажет, когда наконец увидит. Всё это теперь ушло. Он прошел сквозь время, чтобы узнать, что она умерла, дожидаясь его и глядя на него, каждый день, каждый месяц, каждый год.

Наверняка, он много раз мог увидеть её в двери. Тот ту-

манный, размытый образ, который часто мерещился в мерцающем дверном проёме. Это наверняка была она, конечно она – его Настюша.

– Старик, я не хочу жить, – сдавливая комок в горле, сказал Степан.

– Ну что ты, что ты? Жизнь на этом не заканчивается. Еще дефок много кругом, ты мне, старику поверь, верняк встретишь.

Но Степан уже не слышал. Он допил чай и поплёлся за стариком в дом Насти. Там увидел фотографии. Странно – среди них не нашлось ни одной, где бы она выглядела старше, чем тогда. Хотела, чтобы он не видел её старой, а сохранил образ молодой и веселой девушки, с которой они встретились первый раз. Встретились... совсем недавно... но так чудовищно давно... тогда, на фестивале, у куста альстремерии.

На земле лежал снег – белый, яркий, сверкающий. Низко над горизонтом висело прибитое к небу солнце. Февральский мороз сковал воздух. Степан дошел до стены, посмотрел на нее еще раз. Подумал, что может быть, и она приходила также, как он сейчас, также трогала дверь и также горько ей было уходить. Он отправился дальше, вышел на самую середину поля и упал в снег.

* * *

Доктор Мозель, узнав о том, что Степана чуть не проворонили, сокрушался и ругал всех своих безалаберных ассистентов. Прощения им не было. Пятьсот двадцать три года они ждали Степана, чтобы спросить, что он видел, что думает про нынешний мир и многое другое, а тот вышел без их ведома, попал на какого-то чокнутого старика, наплёвшего ему невесть что, а затем едва не замерз в поле. И это прямо у них под носом.

– Ты пойми, Вахтанг, у нас люди на десять лет отстают. И из окна после этого прыгают. А тут пятьсот двадцать три! Вы должны были там пост выставить. Караул! Вечного солдата! Что угодно! Бдеть денно и ночью! А старик хорош! Молчать надо было про девку! изо всех сил молчать! Пока клона не сделаем – глухо-наглухо молчать! Немедленно ко мне! Как только в себя придет, сразу же. Что же вы всё гадите и гадите, черти лысые? И когда, тудить вас так, будет готов мой баллон? Я когда отправлял задание? Забыли? А, помните! Да, вы заездили проволочками, сколько ждать?! Если завтра у меня на столе не будет этого-черт-возьми баллона, я на вас такую жалобу напишу! Прямиком в главк! Поняли меня?

– Да, – сухо ответил телефон.

– То-то же! Жду.

Мозель отшвырнул трубку в сторону.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.